

ТЮМЕНЬ Литературная

Югорский край
край сильных,
смелых
и увлеченных
людей

Газета писателей России и Русского Зарубежья

RUSSIA № 6 (63)₂₀₀₀ TYUMEN

Первый номер вышел в июле 1972 г.

Издание возобновлено в декабре 1989 г.

Ханты-Мансийскому
автономному округу
70 лет

Дыхание Родины

Что за запах! Что за свет!
Вновь до сердца я согрет!
Как ладонь руки родной,
Солнце ласково весной!

Крик синиц — как звон струны,
Запах смол и скрип сосны...
Все травинки в тишине
"Сын мой! Сын мой", —
шепчут мне.

"Обниму! — зовет вода, —
Поспешай, мой сын, сюда!"
"Поцелуемся, сынок", —
Напевает ветерок.

Вот за этот запах смол
Мой отец в сраженья шел.
Этот запах по весне
Не дает уснуть и мне.

Этот воздух до зари
Мне поет: "Пиши! Твори!"
В сердце — радости вино,
Сердце родиной полно.

КРАЙ БЫЛИННЫХ СВЕРШЕНИЙ

В младшие школьные годы любимым занятием моих одноклассников была такая своеобразная, полезная для знаний и развития, игра возле просторной — во всю стену! — географической карты. За окнами нашей деревянной школы стоял трескучий мороз, стекла разрисованы ледяными узорами, в круглой печке-голландке потрескивали горящие поленья, в класс набиралось тепла, а мы толпились у этой карты и наперебой экзаменовали друг друга: «Покажи, где Караганда, где Улан-Удэ, Берингов пролив, Земля Франца Иосифа...»

Народ любопытный, мы с интересом, я бы сказал с особым пристрастием, рассматривали тот «участок» огромной физической карты, где был наш Тюменский край, область, которую позднее мой друг поэт Владимир Нечволода назовет «областью со страну величиной».

А в ту юную пору, всматриваясь в очертания края на карте, запоминали мы названия городов и крупных селений, обозначенных точками и кружочками, соответствовавших величине города или поселка. Самый крупный кружочек принадлежал областной столице Тюмени. А далее — Ишим, Тобольск... Ну, Ишим, понятно. Кое-кто из нас уже бывал в этом городке — он в семидесяти верстах от нашего села. «Град-столица» из ершовского «Конька-горбунка». Тобольск — тоже ясно: древняя столица Сибири. А выше по карте, далеко и высоко, до полуострова с забавным названием Ямал, до Карского моря, темносиние прожилины могучих рек

Оби и Иртыша. И только три обозначения — Ханты-Мансийск, Салехард, Березово. Первые два принадлежали административным центрам национальных округов, а возле Березово вплотную лепился значок, обозначавший газовое месторождение. И все большое поле карты — от казахстанских степей до арктической тундры было закрашено в зеленый цвет таежного простора.

Из рассказов учительницы мы знали, что там живут северные народы, носят теплые малицы, пасут оленей, охотятся, ловят рыбу и обитают в дымных чумах, которые крыты от злых ветров звериными шкурами. Это казалось сказкой. И даже редкие живописания жизни северян, что попадались в областной газете, не меняли этого сказочного представления. Да и потом, в старших классах, когда я ударился в сочинительство, так слагались строки:

Край родной мой, просторы тюменские,
Где вокзалы и те деревенские,
Где знамена алеют над чумами,
А в тайге еще ханство Кучумово...

А уже в эту пору — тайга, болота, урманная глухомань — сотрясались взрывами сейсмиков, шагали вперед первопроходцы — геологи и строители. Уже с уверенностью, что в глубинах этих диких мест таятся несметные богатства нефти и газа.

В периоде встречал я стихи северных поэтов: Шесталова, Истомина, Лапцуня, Юганпелика. Но стихи их по-прежнему воспевали «олешек», труд рыбаков, охотников. А будущие писатели — геологи Геннадий Сазонов, Виктор Козлов, журналист Евгений Ананьев были в рядах первопроходцев, открывали новые темы, новую литературную «планету»...

Однажды в яркий июньский день на буровой Семена Урусова, под Шаимом, ударит черный фонтан промышленной нефти! И Тюменщина — год от года! — в невероятном трудовом порыве, романтике, станет превращаться в тот край, который сегодня знают во всем мире! Кладовая богатств, житница. А ныне — надежда России!

Славное нефтяное Приобье, славная Югорская земля!

Славный Ханты-Мансийский автономный округ! Семидесятилетие его посвящен сегодняшний номер «Тюмени литературной». Посвящен, в первую очередь, литераторам, что живут и трудятся в новых городах и селениях, уже обжитых, оснащенных многими удобствами, с развитой культурой, коммуникациями, связью, современным транспортом.

Вместе с именами молодых, чьи произведения пробиваются ростками первых публикаций, незримо присутствуют и книги именитых писателей, что еще раньше создали свои романы, поэмы, повести, документальную прозу. Вспомним книги — на острие времени! — Константина Лагунова, ушедших Ивана Ермакова, Владислава Николаева, Геннадия Сазонова, поэтов Анатолия Кукарского, Владимира Нечволоды. А также литературные десанты москвичей и зарубежных литераторов...

На недавнем семинаре молодых в Ханты-Мансийской писательской организации, на собрании членов Союза писателей, отрадно было видеть, что по-прежнему в строю лирика Андрея Тарханова, книги Маргариты Анисимовой, документалистика Николая Смирнова, который своими руками строил железнодорожную магистраль Тюмень — Нижневартовск, а затем участвовал в освоении великого Самотлора. Радует крепкий писательский подросток последнего времени — проза Николая Коняева, Александра Игумнова, поэзия Владимира Волковца, творчество поэтов из Сургута, Мегиона, Белоярска, Радужного, Нижневартовска, Советского...

Печатаем сегодня и талантливую прозу безвременно ушедшего недавно Владимира Моисеева из Нягани, яркие стихи Людмилы Ветровой из Советского, Елены Храповой из Мегиона и других, чье творчество обнадеживает, вселяет веру в дальнейший рост их авторов.

С юбилеем, друзья из Югорской земли!

Николай Денисов.

Александр Филипенко, губернатор Ханты-Мансийского автономного округа

«Люди верят в будущее...»

— Вы знаете, кто, по переписи 1913 года, на Севере был самым грамотным народом? Зыряне, хотя школ они почти не имели. Зато чуть ли не в каждом зырянском селе были свои домашние учителя. К этому мы сейчас и идем. У нас ненецкий поэт Юрий Вэлла создал в своем стойбище школу, в которой учатся его внуки, и я бы не сказал, что по уровню знаний они не отстают от сверстников из больших поселков. Я не уверен, что поселковая детвора умеет заарканивать оленя, а у Юрия Вэллы дети стойбища могут выполнять любую мужскую работу.

Сегодня продолжать собирать детей по всей тайге и свозить их в интернаты — значит портить. Из таких детишек может получиться новый Юван Шесталов, но не оленевод.

...У нас в Ханты-Мансийске есть Центр для одаренных детей Севера, в который ребят отбирают из самых дальних селений. Знаете, можно тысячу лет говорить о вымирании малых народов, а можно построить Центр искусств.

...Последние годы 30 процентов бюджета России формировалось за счет нефтегазового комплекса. Сегодня эта доля увеличилась до 45 процентов (естественно, за счет роста цен на нефть). Я считаю, надо нынешнюю благоприятную мировую конъюнктуру использовать для оздоровления отрасли. Вы знаете, что 70 процентов основных фондов у нас сильно изношено.

Сейчас надо накопить денег для подъема в первую очередь высокотехнологичных отраслей. Иначе безнадежно отстанем... Я назову такую цифру: сегодня в мире один куб пиломатериалов стоит 200 долларов. Столько же стоит и тонна нефти. Резервы есть? Есть. Нельзя жить только за счет нефти.

...По сравнению с восьмидесятыми годами миграция у нас существенно снизилась. Ведь было время, когда каждый год в округ приезжали жить по сто тысяч человек. Население нашего края росло в геометрической прогрессии. А социальная инфраструктура была рассчитана на совсем другие цифры. Сейчас же в год к нам приезжают 72 тысячи человек, а уезжают 60 тысяч. Но самое главное — в нашем округе есть естественный прирост населения. Люди верят в будущее, рожают, и это хорошо.

«Литературная Россия» № 40 (1964).

Октябрь 2000 г.

Сибирскую эпопею, естественно, следовало бы начать с имен русского царя Ивана Грозного и русского атамана Тимофея Ермака. Как писал в своей книге «Встречи, которых не было» русский писатель Игорь Забелин: «Словно брешь пробил Ермак в стене, сдерживающей напор колоссальных, пробудившихся в народе сил, — хлынули в Сибирь ватаги, жаждущие свободы, суровых, но бесконечно выносливых и безудержно смелых людей».

Неимоверно трудным было передвижение по угрюмым просторам Северной Азии с ее рекой, суровой природой, с редким, но воинственным населением. Весь путь от Урала до Тихого океана отмечен безвестными могилами землепроходцев и мореходов. Но русские люди шли в Сибирь, раздвигая все дальше на восток пределы своего

отечества, преобразая упорным трудом пустынный и «невеселый» край.

...Придя в Сибирь, русские не остановили протекавшие там этнические и социальные процессы, но уже в XVII в. оказали на них сильнейшее воздействие, ускорив одни, замедлив и видоизменив другие. Русское государство стало новым, причем решающим фактором сибирской истории, и начиналась она с городов и селений нынешнего Ханты-Мансийского автономного округа.

Н. И. Никитин, доктор исторических наук, профессор.

Работаем совместно

Беседа главного редактора «ТЛ» Николая Денисова с председателем комитета по средствам массовой информации и полиграфии Ханты-Мансийского автономного округа Александром Мишуниным.

Н. Денисов. Александр Константинович, округу в декабре сего года исполняется 70 лет со дня образования. Дата интересная, круглая. Югорская земля нынче широко известна и в России, и в мире. Большую роль в этой известности играют СМИ, то есть «четвертая власть», как нынче говорят. С этой властью нельзя не считаться. От нее многое зависит. Поговорим об этом. А разговор предлагаю начать с личности председателя комитета по СМИ округа. Я сторонник известного высказывания о том, что «кадры решают все». Давайте с биографии...

А. Мишунин. По образованию я учитель физики и математики. Учился в Тюменском педвузе, а заканчивал Ишимский после службы в армии. Служил на закрытом полигоне под Астраханью, где испытывались баллистические ракеты. Три года довелось служить. Для нынешней молодежи этот срок незнаком...

Н. Д. Мне тоже три года пришлось служить... И — ничего!

А. М. Понимаю... Ну так вот, поскольку образование у меня явно не гуманитарное, может возникнуть вопрос: как пришел в сферу гуманитарной деятельности? Судьба сыграла свою роль. После института недолго поработал в школе, пригласили работать инструктором райкома партии. На юге области — в Юргинском районе. Если быть точным, в апреле 1972-го года. Через три года стал заведующим отделом райкома. Закончил Высшую партийную школу в Свердловске. Далее работал уже секретарем по идеологии в Тобольском райкоме. Через восемь лет переехал на север. Также был на партработе — секретарем горкома партии по идеологии. Потом в окружном перешел заведующим Домом политпроса. А в начале 90-х, когда потребовалось сменить партработу на другую, мне предложили возглавить только что созданный отдел печати при Окрисполкоме. С газетами на партийной работе я, конечно, сталкивался. И очень много, и плотно. Это ж идеологическое оружие, было оно в парткомитетах на первом плане. В ином режиме, чем, например, сегодня работали. Начиная с утверждения планов работы редакций, кончая вопросами анализа и действительности печати. Так что я хоть и не профессиональный журналист, как иной опытный редактор газеты, но дело это мне хорошо знакомо, понятно. И членом Союза журналистов являюсь, и членский билет есть у меня. Так что я не посторонний для СМИ человек... Как все начиналось? Должен заметить, что 8 февраля 2001 года нынешнему комитету, который вырос из отдела по печати, исполнится десять лет. А в начале, когда работал в отделе, сразу столкнулся с газетами. Бывшие партийные, они остались без руля и ветрил. Федеральная демократическая власть отказалась от этих газет. Нам сказали, мол, если окружным органам они нужны, берите их под свое крыло и работайте с ними. Естественно, партийные многотиражки исчезли моментально. А те, газеты которые были ведущими — городские, районные, они остались, это были уже исторически сложившиеся издания. Многие из них существовали столько, сколько округ существует. Оставлять население без местных газет было, понятно, дико. Окружной Совет, его возглавлял в ту пору Валерий Андреевич Чурилов, принял решение взять газеты под юрисдикцию окружного Совета. Я это подчеркиваю! И газеты, с 1992-го года, были поставлены на бюджетное финансирование. Тогда было у нас 12 газет. Потом начали создаваться новые издания. Например, газета «Северный дом», журнал «Югра».

В 1997-м по инициативе Сергея Семеновича Собянина, бывшего председателя нашей Думы, начался процесс изменения форм взаимоотношения с этими изданиями. К той поре уже была создана масса других газет — муниципаль-

ные, ведомственные, частные. И редактора их начали задавать вопросы: почему ЭТИ могут из окружного бюджета деньги получать, а МЫ — нет? Проблему решили просто: взяли и сняли все местные газеты с финансирования, передали их в оперативное управление муниципальным органам, которые выступили их учредителями и соучредителями официально. Оставили на бюджетном финансировании только сугубо окружные издания: «Новости Югры», две национальные газеты, журнал «Югра», спортивный журнал. Для всех остальных была введена новая система финансовой поддержки: оплата из бюджетных средств за информационные услуги — по освещению деятельности органов государственной власти Ханты-Мансийского округа. Об этой системе можно говорить отдельно и много, она непросто рождалась. Аналогов этой работы не было. Пришлось все изобретать самим. Всю нормативную базу. Систему заключения договоров, систему отчетности. Дело касалось денег, а шалить тут нельзя: каждая копейка должна быть учтена и использована для дела. Сейчас эта система отлажена. Партнеров в информационной среде каждый год прибывает... Да, телевидения и радио у нас, в комитете, вообще не было. Мы только приглядывались к этой работе. В 1999-м включили в свою сферу муниципальные телекомпании. И крупные частные, которые имеют большой вес.

Н. Д. Вечером в гостинице смотрел телепередачу вашей «Югры»...

А. М. Как раз «Югра» и «Югория» в сферу нашего влияния не входят. «Югория» — федеральная телекомпания, подчиняется Москве, работает по системе госзаказа. Телекомпания «Югра» — новая. Там система пока отлаживается: как будет? Сегодня она финансируется тоже напрямую из центра. Но что-то будет меняться. Как? Трудно пока сказать. А с муниципальными компаниями работаем по договорам. По тому же принципу, что с газетами...

Со всеми, кто согласен работать на наших условиях, кто проводит лояльную информационную политику, находим контакт. Сегодня в сфере взаимоотношений около 80 партнеров, включая сюда несколько федеральных изданий по Западной Сибири, областные «Тюменская правда», «Сибирский посад», «Возрождение», думская газета «Тюменские известия». Ну и вашу «ТЛ» не забываем. Вы у нас тоже информационный партнер в какой-то части... Вот такой спектр на сегодня.

Н. Д. Александр Константинович, меня, естественно, интересуют дела литературные в округе. Давайте поближе к писателям строить разговор. О журналах, о книгах. Как комитет и писательская организация взаимодействуют?

А. М. Начну с издательской деятельности. Когда в 1995-м году мы готовились праздновать 50-летие Победы, к этой дате надо было массу печатной продукции сделать — приглашения, поздравления и так далее. У нас ни базы издательской, ни опыта не было. Вынужден был обратиться в областной комитет по СМИ, которым тогда руководил мой давний приятель Иван Филиппович Кнапик.

И он оказал нам очень большую помощь. Мы на паях профинансировали некоторые издания, они и сейчас в ходу. А потом, начиная с 1996-го, когда у нас появилась своя полиграфическая база, это дело стали осваивать сами. Сегодня делаем книги. И достаточно хорошие. По заказу комитета издано за эти годы более сорока книг. Преимущественно краеведческого направления. И художественные. Пяти-томное собрание сочинений Ювана Шесталова, книги Маргариты Анисимковой, Андрея Тарханова, Марии Волдиной, других авторов. Не всех издали, к сожалению. А может, не к сожалению?.. Может, так и должно быть?!

Руководители и «четвертая власть»

Н. Д. Так и должно! Хороших писателей много не бывает...

А. М. Когда встал вопрос создания своей окружной писательской организации, я добровольно вызвался, чтоб комитет по СМИ стал ее куратором. Меня поддержали в администрации. Старая Угро-Ямальская организация была вроде бы под культурой. Но была аморфной, бедной, практически ничего у нее не было. И тут мы стали ей помогать. Было принято соответствующее распоряжение губернатора. Тогда, в 1997-м году, провели учредительную конференцию.

Н. Д. Я присутствовал на этой конференции, как член контрольно-ревизионной комиссии Союза писателей России. И номер «Тюмени литературной» выходил потом с литературными произведениями писателей Югры...

А. М. С той поры под нашей «крышей» окружная писательская организация и живет. Должен сразу подчеркнуть, что это ни какое-то оперативное управление. Кураторство — это, прежде всего, помощь. За эти годы совместно мы проделали немалую работу. Достроен и функционирует свой Дом писателей, регулярно проходят семинары молодых, учреждена помощь писателям-ветеранам...

Н. Д. Это очень важно в нынешнее трудное время...

А. М. Еще — учреждены губернаторские премии за лучшие произведения. Ежегодно — в области поэзии, прозы. Совместно проводим различные конкурсы: к пушкинским дням подвели итоги, сейчас — к 70-летию округа.

Н. Д. Хочу подчеркнуть, что администрация, комитет по СМИ, писательская организация крепят творческие связи с писателями юга области, с Москвой, другими регионами. Это хорошо. И обогащает литературную жизнь округа.

А. М. Пальму первенства в этом деле я бы отдал ответственному секретарю организации Николаю Ивановичу Коняеву. Он эти связи поддерживает, развивает. У нас

даже бывают с ним не очень веселые минуты, когда он настойчиво предлагает пригласить на литературные мероприятия того-то и того-то. Это ж еще и денежные расходы... Но он настойчив, и мы находим решение.

Н. Д. Еще несколько моментов к заключению беседы. Мы разговариваем накануне праздника округа, но я опять же коснусь писательских дел. Всем известно, многими подчеркивается, что ваши литераторы в округе находятся в более выгодном положении, чем другие в России. Власти округа им помогают. А то, что издаете не всех солидными книгами, то вновь скажу: талантов много не бывает! Есть у вас значительные национальные писатели, есть ряд русских поэтов и прозаиков действительно талантливых. Другие, так скажем, одаренные. Но всем есть где печататься. Журнал «Югра», чисто литературный альманах «Эринтур», газета «Литературная Югра»... Не так уж и плохо для округа.

А. М. Журнал «Югра» десять лет существует. Вначале он издавался на газетной бумаге, без картинок, серенькая обложка. В 1997-м, когда появилась хорошая полиграфическая база, журнал перевели из Сургута в столицу округа. Расширили его тематику, объем. Из краеведческого журнала стал общественно-политическим.

Во время проведения у нас международных соревнований по биатлону, они проводились уже пять раз, родилась идея создания своего спортивного журнала.

И вот литературный «Эринтур». Родился он по инициативе Андрея Семеновича Тарханова, когда он руководил писательской организацией. Выходит альманах солидной книгой один раз в год. Чаще издавать — сил не хватит, не хватит и литературного материала качественного. Впрочем, надо признать, книжки «Эринтура» расходятся очень тяжело...

Писательская газета, которую издаем с прошлого года, появилась как бы неожиданно. Ну, оставался материал от «Эринтура», надо было его где-то печатать... И еще для оперативных публикаций — тоже неплохая площадка. На будущий год собираемся издавать газету чаще, возможно, раз в два месяца. Как позволят средства. Газета нужна, но, честно говоря, меня ее качество пока не устраивает...

Н. Д. Да, газета должна быть именно ГАЗЕТОЙ, а не продолжением альманаха. Тут важно многое! Направление, позиция редактора, острота, злоба дня...

А. М. К сожалению, мы идем по принципу меньших затрат. Для полновесной газеты нужен штат сотрудников. А сегодня пока ее один человек делает — прозаик Борис Зуйков. Не хочу его обидеть, но, вероятно, ему не достает журналистского опыта...

Н. Д. И все же хорошо, что у вас есть такие издания. Пожелать можно только одного — расширить читательский круг. Мне пришлось участвовать в разговоре по проблемным вопросам в работе Ханты-Мансийской писательской организации. И главный из вопросов на сегодня, как и везде, это не только качество литературных произведений, но и их выход к читателям. Мало задействован в этом плане круг читателей учебных заведений, школ. Надо искать пути книгообмена и с другими регионами. При разрушенной системе торговли книгами, а это была прекрасно организованная система, нынешняя книготорговля — «белое пятно». Знаю, что интерес к творчеству далеко еще не угас, как нас пытаются уверить некоторые средства массовой информации. Стоит выйти на встречу, живую встречу с читателями, как сразу убеждаешься в том, что поэзия, художественное слово интересны нашим людям.

Силы литературные в округе есть. Дух писательской организации творческий, здоровый, заметен рост молодых дарований. И то, что вашим писателям окружные власти помогают жить и работать, дает заметные результаты.

Николай Шамсутдинов

Сибирский характер

Так в чем исток
сибирского характера? —
В необозримой кипени тайги,
Где снегопады,
Где клокочет падера,
Закатывая дикие белки?
В густых постах
дремучего раскола,
Тесавшего гнездовья за Тоболом?
Или в нелегкой доле мужика,
Пришедшего сюда до Ермака?
Характеру и матереть в Сибири.
Он приручил
размашистый простор,
Сам прививаясь к заповедной шири,
И, домовит, поблескивал топор...
И следом —
в пьяных смолах по карнизы, —
Слепя и статью радуга своей,
Из глухомани выхлестнулись избы
Рязанских да коломенских кровей.
Сибирь, она и глад, и холод вынесла,

Всегда глядела вдаль из-под руки,
И в страшный год
на мощном гребне вынесла
В бессмертные сибирские полки.
Я вижу крепь
сибирского характера
В размахе новорожденных огней,
В гуденье сел,
в реке с уставшим катером
На неторопкой, выгнутой волне.
Я счастлив, что,
зеленого с рождения
Не обнесло прозрением меня
Глубинное,
Святое постижение
Характера неспешного литья.
Мы поднимались на земле суровой,
И пасовать сыздетства не дает
Характер этот,
как народ, кремневый
И неизменный,
тоже, как народ...

Золотая Богиня Дома

*

* ЕРЕМЕЙ АЙПИН

Когда отец был в отъезде, и мы оставались одни, вечером, укладываясь спать, мама говорила нам:

— Спи спокойно, с нами Огонь-Матерь...

Но Огня я не видел. Лампу на ночь тушили — берегли керосин. Гас и огонь в чувале. И дом наш к утру довольно крепко выстывал. Бывало, в холодные ночи питьевая вода в кувеньках покрывалась корочкой льда. Зная это, с вечера мама укрывала меня и сестер меховыми ягوشками.

— Мама, а где Огонь-Матерь ночь проводит?

— Я укладываю ее, когда ты уже в постели...

— Ты Огонь укладываешь спать?

— Да. Когда папы нет, мы спим с Огнем.

— А как это ты делаешь?

— Дождись вечера, посмотришь.

«Почему это я ни разу не видел, как Огонь укладывается спать?! — подумал я.

Впрочем, когда я засыпал, мама еще бодрствовала. Она то шила, то выдывала шкуры, то плела нити из сухожилий оленя или лося. Утром же, про-

сыпаясь, видел, как мама хлопотала по дому, будто и не ложилась спать.

Вечером я сел у чувала и стал дожидаться, когда мама управится со всеми делами и будет укладывать спать Огонь очага.

— Сейчас уложу Огонь, — сказала, наконец, мама.

Она взяла обугленную палку-кочергу и осторожно разгребла золу чувала, затем собрала в эту ямку огненно-красные угли и небольшие головешки с

огнем и, ласково глядя на нас, тихонько попросила:

— О-о, милая Огонь-Матерь! Наши души-плоти, охраняя-защищая, имей...

И медленно закрыла золой сверху угли с живым Огнем. Потом поправила головни у стенки чувала.

— Все, теперь мы с огнем. Огонь в золе до утра будет жить... — сказала мама.

— А потом что?

— Утром ночевавший в золе Огонь обязательно нужно поднять.

— Почему?

— Так наши предки делали. Если Огонь уложил спать, то утром разбудить нужно.

— Я увижу это?

— Уставай пораньше — и все увидишь...

В этот вечер я заснул сразу же, как только добрался до постели. Хотя отца нет дома, но с нами Огонь-Матерь, которая защищает нас от всех неведомых темных сил. Нам всем спокойно спалось под добрым крылом Огня-Матери.

Утром, едва открыв глаза, я вскочил и поспешил к чувалу. Мама уже хлопотала возле очага. Она разгребла кочергой золу, вывернула остатки вчерашних огненных углей и головешек. Я увидел только черно-серый пепел. А мама все тихонько ворошила золу. И, наконец, из самой глубины, из затаенного уголка ямки-ложа выискала несколько огненных искорок Огня. Жив Огонь очага...

Мы все невольно заулыбались. И загудело веселое пламя в золе Огня. Сколько надежд вселила в нас Золотая Богиня Дома!

— О-о, Золотая Богиня Дома, наши души-плоти охраняя-защищая, живи!..

Виктор Козлов

Весеннее

Это здорово — правда? —
Очутиться в Тюмени
Вот в такой же весенний
Ослепительный день,
И почувствовать заново
Запах сирени,
И увидеть
Сиренево-синюю тень...
Это здорово — правда? —
После серых, как скука,
И холодных, как смерть,
Заполярных снегов
Вдруг на землю упасть
И послушать: «А ну-ка,
Как ты дышишь, земля,
Ты здорова?
И я,
Я чертовски здоров!
Чуешь,
Как от меня
Пахнет дымом и потом,
И ноги блаженно
Гудят в сапогах?
Им досталось шагать
По тюменским болотам:
Как-никак, а всю зиму, земля,
На ногах!..»
Это здорово — правда? —
Шагать по асфальту
В остроносых ботинках,
Легко — как босой!..
Так и хочется сделать
На улице сальто
Или просто пройтись
По земле колесом!
...В сквере возле вокзала
Звонкогорлое пенье —
Здесь скворцы начинают
Раньше прежнего петь.
Это здорово — правда? —
Очутиться в Тюмени,
А потом до весны
Вновь в тайгу улететь.

г. Мегион.
Апрель, 1962

Никон Социхин

Воспоминание о нефтеразведке

Ура романтикам труда!
Они не редкость.
Богата ими, как всегда,
Нефтеразведка.
Пусть мы не в праздничном строю,
Не на параде,
И я все это говорю
Не слова ради.
А ради правды. Той. Одной.
И настоящей.
И тех, кто рядом шел со мной, —

Впередсмотрящих.
Нам график нужен был и план,
Нужна зарплата.
И мастером был лозунг дан:
— Шустри, ребята!
Стучал мороз. Серчал мороз*
— Что надо, люди? —
И в оборот нас брал всерьез:
— А то ли будет!
Скрипела кожа, как кирза,
А на ресницах
Сияла бриллиант-слеза,
Что и не снится.
Не для себя мы ищем нефть,
А для народа.
И ты живи, старик, не дрейфь
Все время года.
О, как я счастлив был тогда,
А как был молод!
И чувствовал в душе всегда
К работе голод.
Так мы входили в жизнь. И нас
Тепло на редкость
Благословила в добрый час
Нефтеразведка.
Не сразу встал Сургут, как есть,
И я по праву
Скажу, что встал он в нашу честь
И нашу славу.
Ребята, милые мои,
Орлы и только!
О вас стихи сложил свои
«Бурила» Колька.

Усы

Для чего ношу усы?!
Ясно дело — для красоты.
А еще? Еще, признаться,
Как барометр-часы.
Вот пришел ко мне успех,
Значит, я счастливей всех.
И усы мои, понятно,
Как орлы, взлетают вверх.
Ну, а жизнь дала каприз
И в делах знобящий бриз,
То и усики, что делать,
Опускают крылья вниз.
Вот я в зеркало взглянул
На себя... И все смекнул,
Что не так, а что не эдак,
Что мне взять «на караул».
А без этих, без усов,
Все равно как без часов,
Как корабль без компаса,
Парусник без парусов.

* * *

Реставрируют церковь во спасе,
«Слава Господи! — молит народ, —
Может, снова наступит согласие,
Снова будут приплод и дород.

Станем, братья, усердно молиться,
И молитвы услышит Христос...»
А потом вдруг наступит граница,
И опять все к чертям — под откос.

* * *

Как же стало-то?
Как же случилось?
До сих пор я никак не пойму.
Все прошло.

Пронеслось. Прокатилось.
И в крошечную кануло тьму.
Нет подруги. Но нету и друга,
И мужчина не в лучшей поре.
И живу я один, как зверюга.
Как зверюга в вонючей дыре.
А на вас обижаюсь не шибко,
Ни за что ни про что не кланяю...
Я на землю попал по ошибке,
Вы уж, люди, простите меня.

Георгий Ешимов

Витязь

Светлый витязь воду пьет
Из реки широкой —
То дружины Ермака
Воин одинокий.
На Дону Любаша — ой,
Очи проглядела.
— Атаман, давай домой, —
С ветром долетело.
По излучине реки,
По воде небыстрой
Проплывают казаки
Да с разбойным свистом.
Просмоленая ладья.
На корме хоругви.
Не бояре и князья,
Братове и други.
Две пищали наперед,
Парус домотканный,
Запевала до высот
Разбудил урманы:
«Мы за Камень зря пришли —
Девки узкоглазы,
Здесь холодные ключи,
Недруги чумазы.
Что нам с бисером кафтан,
Яхонты-каменья,
Коли просит бусурман
С нами замиренья.
Рыбой промышляют тут
Остьяки, вогулы.
Пусть и наши поживут —
Васильки, Вакулы».
...И ладья вперед бежит
По реке сибирской...
Светлый витязь вдаль глядит —
На простор российский.

г. Сургут

Сергей Мартовский

С балкона

Душно в проклятом номере
Пятого этажа.
Плотно висит над городом
Черная паранджа.
Пышат печным дыханием:
Стены, асфальт, бетон.
В пестром электроразреве
Плавают мой балкон.
Ниже — напротив — улицы.
Выпучив фар шары,
В пасти им будто бусины
Катят авто с горы.
Слева — резным орнаментом
Здание расцвело.
В нем ресторана-аквариум
Высвечен сквозь стекло.
Там, в полумраке матовом. —
Тени живых людей.
Там, в забытой заказанном, —
Бодрствует счет рублей.
Тени сидят и движутся,
Тени жуют и пьют.
В музыке гипнотической —
Сервис, комфорт, уют...
Душно мне в этом городе!
Зрение, кожу, слух —
Давит проклятый доменный
Азии адский дух!
Не потому ль натужно я
Злобу сжимаю в горсть,
Как на столичном ужине
Всеми забытый гость?..

Югорские черемухи

Я открыл заполярные Севера,
Лебединую песню оставил там...
А в Югорске — черемуха зацвела,
Снег душистый
 рассыпала по ветвям.
Возвращаюсь!..
И светом полны глаза,
Я мечтами и небом овевя весь!
И несут телефонные голоса
Сводки метео мне из далеких мест:
Заполярный метелица замела...
Белоярский в котельных
 сжигает газ...
Но в Югорске — невестятся купола
Буйнокудрых черемух,
 как в первый раз!
Я с друзьями во влажной ночи брожу,
Дорогие, за встречу я нежен к вам!
Я из странствий
 по кругу домой спешу —
К новым темам,
 работе, любви, делам!
В Заполярном вспомнитесь обо мне...
В Белоярске окно проглядела мать...
И Югорск в расцветающем
 летнем дне
Будет вслед мне черемухами пылать!
 г. Белоярск

Станислав Юрченко

Сяду в поезд

Александр Губанову

«Сяду в поезд, уеду на юг»
от твоих бесконечных выюг,
от Супры, от Конды, от тех,
с кем делил и любовь и грех.
Покидая тебя навек,
возвращался назад к тебе,
к берегам полусонных рек
и подаренной мне судьбе.
И, наверно, не повернуть

никогда колесо назад.
Беспощадная эта суть
смотрит через года в глаза.
Время — наших побед палач
не позволит покинуть круг.
«Сяду в поезд, уеду на юг» —
не напишется, зоть заплачь.
 г. Советский

Владимир Волковец

* * *

Встретимся в августе на полпути
К рыжебородому лесу, в котором,
Если б не остановил разговором,
Через минуту меня не найти.
Стал укорять равнодушьем моим
К собственным промахам
 и передрягам,
Что отнесен к невеселым бродягам
Временем несправедливым и злым.
Все до поры, говорю, да порой

До удивленья зарей, до стакана,
До перелеска над зыбью тумана,
До котелка с окуневою ухой...
Надо отстать ото всех, кто поспел
В жадном раздразе везде и повсюду.
В жатве, посеявших злобу и смуту,
Лучше остаться сейчас не у дел.
Неистребим, говорю, интерес
К осени нашей, что рыжики нежит,
Что в неудачах любого утешит,
Кто не за лесом приехал, а в лес.

* * *

Я потерял тебя: как же ты? где? —
Письма мои без ответа.
Что ты молчишь? О тебе на хвосте
Сплетни разносит газета.
Чем безответней, тем злей наседать
Стали искатели грязи.
Не дозвониться и не развязать
Узел почтовой вязи.
Может хотел ты и произнести
Слово любви и согласья
Да примиренье у них не в чести
И отступил восвоися?
Схлынула пена с газетных полос,
Лай унижительной травли.
Кто помолчал и в себе перенес
Негодование, правды,
Только презреньем к порокам чужим
Можно сберечь неуменье
Быть беспощадно-угодно-злым
В жадности и нетерпении.
Грустно, что время войдет в колею
И, не покаявшись, те же
Лезут услужливо в душу твою,
К тем, кого хаяли прежде.

г. Советский

Сергей Сметанин

Превращенье

Нынче над Сургутом чудесный вечер.
Тучи повторяют сиянье света
Фар автомобильных,
 как будто снова
Белые ночи.
По асфальту мокро
 струятся блики
Словно чешуя драгоценной рыбы.
Кажется, построен огромный город
Над бездной звездной.
В этом фантастическом
 окруженьи
Ты идешь под зонтиком неземная,
Даже не догадываясь о том, что
Тобой люблюсь.
И через мгновенье
 в моих объятьях
Ждет тебя
 волшебное превращенье
В самую обожаемую из женщин
На целом свете.

г. Сургут

«Казачьему роду нет переводу».
(Казачья поговорка)

Корень

Рассказ

вишни; кустились виноград и сирень. Голые ветки под изредка налетающим, пронзительно мерзким осенним ветром, срывающим остатки листвы, стонали и скрипели, противно стучали друг о друга.

Весной тополь покрывался густым зеленым одеянием, и не было видно обломанных крупных ветвей, обожженного следа удара молнии и широких рваных шрамов от ударов дурного топора на стволе великана южных краев России. Но сейчас, поздней осенью, он чувствовал себя беспомощно, подобно голому человеку на людной улице, выставив на обозрение свой стыд и срам, так и у тополя виднелись все его раны, нанесенные долгой и нелегкой жизнью.

В далеком-далеком послевоенном году, отстроившись, посадил его у забора хозяин дома. Посадил-то он три тополя, и одно время все они зеленели и красовались в начале улицы. С любого конца станицы было их видно, и по ним указывали дорожку, место или чей-то курень. А сейчас он остался один. Двое других не выдержали, сломались где-то на нескончаемых верстах времени. Тополь, дерево такое — не гнется, ломается.

Один он вымахал ростом под небеса, распустил длиннющие корни даже под асфальтовую дорогу и забрался в фундамент хаты хозяина, который несколько раз подходил к старому красавцу с пилой, но рука так и не поднялась.

А в той турлучной хате, построенной больше пятидесяти лет назад, метался на железной панцирной кровати в бреду и беспомощности широкоплечий старик. Из-под задранной майки виднелся на спине рваный шрам, на напряженной шее белела аккуратная точка размером с копейку; латаные трусы, прикрывая мужской срам, телпались на одной ноге, второй не было. То все следы, оставленные смертью.

В разных обликах являлась она, в основном неожиданно, как из-за угла была по крепкому телу, стараясь отсечь тоненькие ниточки, связывающие солдата с белым светом. То зверем-страшилищем цапнула за левое плечо, добираясь до сердца человеческого, такого мягкого и беззащитного; то змеем тонким, щипящим минным осколком на излете ударила в шею, так там и остался тот железный след войны, доктора вынимать отказались — резать будешь — еще и зарежешь, такое место — шея; то грохотом-громом небесным ударило по голове — контузия, не помнил, как и ногу оторвало.

И сейчас меняет костлявая облик свой: то мать стоит, то отец, то девушка красоты неопикуемой, то ласковая старушка, а то блеснет чернотой выгнувших глаз кост-

лявый череп из-под черного капюшона, — не все они ласковые, добрые, тянут руки к нему поочередно, зовут.

Видать, добралась. Не уйти теперь. Может и к лучшему.

Простыни и ватное одеяло сбиты в кучу, и сколь не поправляла их старушка жена, он, в бреду, вновь и вновь подминал их. Иногда скатывался на пол, с грохотом сшибая табуретку и больно стучаясь о рядом стоящий стол.

Тогда два не менее плечистых, чем отец, сына, постоянно теснившихся в дверях малюсенькой спальни, молча подходили и, стараясь не потревожить, вновь укладывали батюку на кровать.

Разница меж сынами была десять лет.

Первого зачал, когда после ранения второй раз попал в один и тот же госпиталь в Сочи. Прошлый раз познакомился он в нем с симпатичной серьезной дивчиной в черной железнодорожной шинели, а вторично с ними и случился этот счастливый грех — дважды раненного солдата и молоденькой железнодорожницы.

Дороги войны неведомы, как неисповедимы пути Господни. Затяжелевшую молодуху начальство отправило рожать к матери в далекую кубанскую станицу, а еще до того подлечившегося солдата командиры отправили в очередные бои. Сперва под Сталинград, потом дальше, дальше, дальше. Он бился с этими гадами — гитлеровцами, как умел, а умел весьма неплохо. Еще когда под Одессой защищал Котовск, наградили орденом Красной Звезды. Вечером в командирском блиндаже молоденький лейтенант (старого капитана убило) налил полстакана спирта (надо же обмыть), развел руками, мол, не могу больше, все ж от наркомовских предбоевых отрываю, спросил: «Как дело было?». Солдат застенялся чего-то: «Та шо там. С напарником увесь дзнь с пулемета строчили по нимцям». «И все?». «И всэ».

А напарник, как и капитан, так и остался в той причерноморской земле. Похоронили ли? Кто знает...

Так же старательно, как когда-то ходил в поле и косил сено на зиму худобе, так и в бою, попривыкнув к всяческому грохоту, свисту и вжиканью, солдат внимательно целил в прорезь пулемета и плавно нажимал гашетку. Он не отвлекался на посторонние шумы, взрывы или еще чего там. Только неизвестно каким образом выделял из всего, что творилось вокруг, голос командира. Чего он там приказывает? Ага, так и «зробымо».

Он воевал. И совсем не знал, что его молодайка долгими дорогами добралась в родную станицу; измучившись, истерзавшись, вошла в хату, подхватили ее мамо с

Высокий пирамидальный тополь наконецником своей вершины задевал серые облака, из которых то и дело сочилась мелкая сыпь дождя — не дождя, тумана — не тумана, а так... «Мыгычка». Морось. Где-то далеко внизу ютились яблони, груши,

сестрой, положили на кровать, и она тут же заметалась, закричала от боли внизу живота.

Мучилась всю ночь, а к утру разрешилась крепеньким хлопчиком, который тут же заорал во все свое горлышко, содрогаясь новорожденным тельцем. Помыли его ласковые руки бабушки, поднесли к груди маминной, и успокоился, зачмокал, засопел.

А через месяц или около того пошли над станицей кружить самолеты с крестами черными и сбрасывать на белые мазанки, фруктовые сады и густые виноградники, воюющие от злости, бомбы. Приметили, гады, за греблей-насыпью два танка сломанных.

Еще через время отступили наши к морю, и пришел немец.

Страху натерпелись женщины с грудным мальцом на руках невпроворот. Но повезло. В их хате остановился какой-то ветеринар, что ли. Солдаты то собаку приводят, то коня, то еще какую животину. А на баб он и внимания не обращал, но каждый вечер, когда совсем темно, заходил на русскую половину и надменно, ни слова не говоря, ставил на стол глечик с молоком, тыкал пальцем в сторону мальчонки и уходил. Жалостливый попался.

Видать, этот немец большую ли, малую ли, но власть имел. Как-то примчался на грохочущем мотоцикле, схватил молодуху за руку, жестом приказал взять дитячко, мать с сестрой завывли, а он завел ее в сарай за стог сена. Та уж ни жива, ни мертва. А он степенно вышел во двор, тут и подъехала машина с крестом красным на боку, вышли из нее мордвороты в белых халатах с черепами на фуражках. Что-то с их немцем на своем гавкающем языке пролаляли. По всему видать, не пустил он их, и уехали. Потом по станице слух прошел, что собирали фашисты детей для лекарственных опытов, определяли, от чего быстрее, а от чего дольше ребяенок умирает.

Солдат ничего этого не знал. Командиры посадили в танк пулеметчиком, и вновь он делал свое ратное дело основательно, не торопясь и не медля.

Недолго в станице фашисты хозяйновали. Погнали их наши с благодатной земли кубанской. И хоть немец в хате у женщин добрый жил, но когда сбежал, со вздохом облегчения перекрестились и воздали молитву Господу.

А сейчас старый солдат умирал, в двух маленькой спаленки едва умещались два его сына. Подобно тополи у двора выкован был их батюка, из того материала, что не гнется. Он бредил и метался по кровати, сбивая в кучу простыни и перину. Иногда больно падал на пол. Он широко распустил свои корни и сейчас умирал.

В атаке на очередную господствующую высотку под Тернополем снаряд пробил броню ИСа, погибли все, а его Господь уберег. Видать, крепко молилась за него молодайка в далекой кубанской станице. Вышвырнуло его из танка, грохнуло о землю и очнулся от боли, когда санитары пе-

реваливали на плащ-палатку. Ступню правой ноги оторвало да еще на пол-четверти кость раздробило.

В полевом госпитале окровавленный врач с кровью налитыми глазами от усталости подал солдату до краев наполненный стакан спиртом. «Пей!». «Не могу». «Я тебе «не сможу». «Пей!» Выпил. Хирург пристально смотрел в глаза и, когда они помутнились, когда поплыл солдат в пьяную истому, махнул рукой. Два дюжих санитаров, один на голову, другой на подколенки навалились, а врач взял со стола протертую тем же спиртом ножовку по металлу и принялся методично пилить кость повыше раны. Как только ни ругал этого костолома солдат, никогда не орал он так громко, пока не откинулся «без памороков».

Очнулся, хирург посмеивается, красными глазами моргает. «Хорошо материться умешь, воин. Где я тебе анастезин возьму? В полевом госпитале все обезболивающие средства: спирт да парочка здоровых санитаров. А пилить надо, гангрена пошла».

А она и дальше пошла. Еще дважды в разных госпиталях кромсали солдатскую ногу, пока не осталась маленькая культяшка. И тут нашло его письмо той молоденькой железнодорожницы, и узнал он, что у него есть сын. С Ы Н !

А он одноногий...

Светло-желтой кожей рано или поздно затягиваются порезы на тополе, заживают раны на человеке. Загноилась и культя у солдата, и поехал он на далекую Кубань, ковьяля на костылях, перепрыгивая с поезда на поезд.

За Ростовом, притулившись с краю сиденья жесткого вагона, размышляя о том, кому он нужен безногий и зачем куда-то едет израненный, вздрогнул вдруг от женского крика. Резко вскинул глаза... А по проходу, в черной железнодорожной шинели, не бежала, падала, сго молодка... «Милый мой, живой...».

Тот грохот войны, атаки фашистов, оборона и свое, хоть короткое, наступление смешались с афганскими и чеченскими войнами. Сейчас, на железной панцирной кровати под шум застывших веток тополя, он ходил поочередно в атаку то на фашистов, то на чеченов, то оборонял Кабул.

Он жил в эти последние свои минуты, превратившиеся в сознании в годы и десятилетия, не только своей жизнью, проживал он жизни тех русских солдат, которые гибли в той непонятной «войне — не войне» в Афганистане; тех молоденьких хлопцев, не умеющих и автомат держать по-человечески, а уже брошенных чьей-то злой подлой волей в горы на чеченский народ.

Сейчас у него не было старых ран, на месте находилась правая нога, и командовал им его старый капитан, легший в землю под Одессой в сорок первом. Они воевали. Да не так, как было на самом деле. Ежели в Афган попадали, то не уходили несолоно хлебавши, а Красное Знамя Победы развевалось над всей Азией; а в Чечне его капитан прерывал всякие разговоры

о перемриях, обзывая тех, кто выдвигал такие мысли, «врагами народа», и поступал, как и следовало поступать с подлецами на войне. Недруги тоже получали то, что заслуживали. Пулю. И тем, и этим. А знай свое место: не для того наши предки головы клали, чтобы вы тут «выкомаривались».

Везде он воевал до Победы.

После войны отстроились. Зажили. В год страшных необычных перемен, в год смерти товарища Сталина, ареста и расстрела Берии, в год начала первой гово-рильни в России, в год тысяча девятьсот пятьдесят третий, оставив сзади голодные и холодные годы послевоенной разрухи, родили с женой еще одного сына. Тоже в батюку пошел. Самостоятельный. Да оба они одинаковые, хотя разница в десятках лет. Вот они — отцы семейств, теснятся в дверях маленькой спальни турлучной хаты, кусают губы от беспомощности, поочередно выходят во двор покурить и вытереть втихушку слезы. Их жены хлопчут на кухне, даже не препираясь меж собой, а за их спинами стоят, такие же, как и батюки, широкоплечие внуки, тоже с разницей в десять лет — старшему за тридцать, а у второго жена притулилась в уголке, кормит грудью младшего правнука.

Вымахал тополь под самые облака, распустил корни во все стороны, крепко ими держится за землю, невдалеке поросль молодая пошла, тоже вверх тянется, корни на разведку жизни пускает.

Не перевестись тополи у этого двора. Новые и новые пики вершин будут стремиться в небо и разрастаться вширь. Простое это дерево живет наподобие казачьего рода — трещит, крепится, за землю корнями цепляется и вверх стремится. Кто послабее — ломается.

Власти и самодержцы приходят и уходят, меняются династии и генеральные секретари, вместе с ними меняется и линия партии, а то и вовсе, сами партии.

А казаки остаются. Простые люди, ведущие свой род из глубока времен, помнят наказы дедов и отцов, следуют им и живут по обычаям казакским и Законам Божиим.

Вместе с ними живет Россия.

Умирает солдат — родовой казак, от всех своих предков, получивший в наследство долю ратную, долю хлебоборную, долю казакскую, долю русскую.

Умирает, мечась в беспамятстве, как умирали витязи земли Русской — в бою, крепко держась за землю эту своим корнями.

Идет казак в последние свои атаки.

Упокой, Господи, душу беспокойную.

А тополи жить да жить.

А корням плодиться и расширяться.

г. Нягань,
апрель 1999 г.

В канун старого Нового года Петр Мокеевич Нелюбин открыл вдруг для себя, что световой день прибыл. Если еще месяц назад к четырем на улице смеркалось, то сегодня, за час до закрытия булочной, куда он собрался за баатоном, — было светло.

Такое малозначительное, но приятное открытие подвигло его на кое-какие уточнения. Он присел к столу, снял со стены календарь и с интересом стал изучать долготу дня, время восхода и захода солнца, обозначенные на отрывных листках. День, убедился Петр Мокеевич, действительно прибыл — и прибывал уже не на воробьиный скок, а, как говаривала некогда покойная магушка, на куриный шагжок.

— Вот так, вот, Женя, — с чувством сбывшегося ожидания произнес Петр Мокеевич, обращаясь к жене, сидевшей напротив и перебиравшей гречку к ужину. — Денек-то прибыл крадучись... Покатилась зима с горки.

— Покатилась — раскатилась, — в тон ответила Евгения Степановна и, показав глазами на обледенелое с улицы окно, добавила с усмешкой. — То-то он, весна, гляжу, вдгонку разбежалась, запыхалась прямо...

— Прямо или криво, а придет по расписанию, никуда не денется. Солнышко на лето — календарный факт. Неопровержимый.

Давно Петр Мокеевич не заглядывал в календари, не подсчитывал денечки до желанного события — такого в его жизни уже и не предвидилось: что должно было свершиться, то свершилось. Сам три года как пенсионер, жена — год без малого, детьми, а, следовательно, внуками Господь не одарил, как ни вымаливали в молодости, так что подсчитывать денечки приходилось разве что до третьего числа — до пенсии. Он и весну-то из времен года особенно не выделял. Весна, конечно, не зима с ее морозами-метелями, но и приятного не много: попервости то снег с дождем, то дождь со снегом... Сырость, слякоть на дворе. Он не весну любил, а время поворота солнышка на лето, когда мысли о тепле и свете согревали душу...

Еще какое-то время помусолив листки календаря, Петр Мокеевич отправился в булочную. И ходил-то с полчаса, не больше. Взял батон да завернул в молочный за кефиром, да по пути купил

Время поворота солнышка на лето

Рассказ

в киоске «Советскую Россию» — любимую «савраску», которая еще стояла за таких, как он — выжатых и брошенных на произвол судьбы. Возможно, день и завершился бы чтением газеты, если бы жена не обронила сразу, как только он вошел:

— Кто-то только что звонил.

— Кому? — не понял Петр Мокеевич.

— Тебе, кому!

Он скинул обувь у порога.

— И кто же мне звонил?

— А не назвал даже.

— Кто бы это мог? — Петр Мокеевич разделся и прошел с покупками на кухню. За ним — Евгения Степановна с перебранной крупой на доннышке кастрюльки.

— А чего звонил-то, Женя?

— Тоже не сказал. Спросил, дома или нет. Ответила, что в булочную вышел.

— И перезвонить не обещал?

— Не пообещал. Сразу бросил трубку.

— Тоже мне, ответчица! Можно было и спросить, кто, по какому поводу.. А вдруг не перезвонит?

— А не перезвонит, значит, так и нужен! — отрезала жена. — Чего засуетился, будто ждал звонка откуда-то?

— Не ждал, а просто любопытно, кому понадобится мог..

После чая он взял свежую газету и прилеп на тахту возле телефона. Так, на всякий случай.

Сто лет ему никто не звонил. Жене с бывшей работы позванивали часто верные подруги, а ему — сто лет. Как умер. Ну, сто не сто, а года два, однако, точно...

А впрочем, нет — звонили в декабрье с телефонной станции. Девичьим звонким голосом было строго спрошено: «Абонент Нелюбин? Номер «три—сорок четыре—два нуля?»

Он поперхнулся от внезапной сухости во рту и подтвердил скороговоркой: «Да, да, да... Три—сорок четыре...»

«Если вы, Пэ Эм Нелюбин, не внесете плату за квартал до первого числа, — перебила юная особа, — телефон отключим. Без предупреждения. Вы поняли меня?»

«Все прекрасно понял!» — Он, как ни странно, не расстроился, не записывал, а до того обрадовался нежданному звонку и неприветливому, но все же таки живому человеческому голосу, обращенному к нему пусть и не по имени и отчеству, как принято у добрых-то людей, а по инициалам, — что некстати, чуть ли не за месяц поздравил позвонившую с Рождеством и Новогодьем (в таком именно порядке и почему-то с «Новогодьем», а не с «новым», как обычно, годом — опять же, видно, от волнения).

На что девичей с телефонной станции была допущена слабинка в голосе и смятенно молвлено: «Спасибо уж, но плату все-таки внесите — сами понимаете, что себе дороже...»

Как было не внести? Сходил и внес.

Содержание прочитанной статьи не воспринималось. Петр Мокеевич вздохнул, сложил газету вчетверо.

— Женя, слышишь? Голос — старый? молодой?

— Какой еще там голос? — откликнулась из кухни Евгения Степановна.

— Да по телефону-то!

— Вот дался ему голос! — Евгения Степановна с наброшенным на руку полотенцем неслышно вошла в зал, установила на мужа взором психодиагноста. — Я думала, ты спишь с газетой на носу.

— Уснешь, пожалуй, как же... Голос, спрашиваю, старый или молодой?

— Не сказать, что молодой, но, вроде, и не старый... Не поняла я толком.

— Не Гусев с третьего подъезда? За шахматами, может, не с кем посидеть?

— Что ж я, Гусева басочек не признала б? Сроду он нам не звонил.

— Да и телефона у Гусева-то нет, — вспомнил Петр Мокеевич. Он бросил сложенную вчетверо газету на тахту, встал и подошел к окну. — Кто бы это мог?..

— Выбрось ты из головы!

— Выбрось вот попробуй. А не из отдела пенсий? Не насчет ли регистрации какой-нибудь опять? Хотя... отсюда тебе звонят. — Прошелся от окна до телефона и резко обернулся.

— А как он обратился-то?

— Господи! — взмолилась Евгения Степановна. — Ты доконал меня сегодня. Что же я, за ним записывала, что ли? Так и обратился: здравствуйте, нельзя ли передать трубочку Мокеичу...

— Моке-еичу?! — подался вдруг вперед Нелюбин. — Ты не ошиблась, Женя? Так и сказал — Мокеичу?

— Да ну тебя, на самом деле! Прямо как на допросе! — вспыхнула Евгения Степановна и вернулась в кухню.

Мокеичем Нелюбина называл на службе, в управлении, лишь Костя Григораш...

В первый год после того, как Петра Мокеевича тихой сапой выдавили в отпуск, а из отпуска — на пенсию, позванивал преемничек Костя Григораш. Позванивал, понятно, не по доброте душевной — душевности у нынешних явно не в избытке, — а по необходимости. Выдавить-то выдавили с должности начальника отдела, а с чего начать работу, как задействовать давнишние отложенные связи, на то опыту, смекалки не хватало. Вот и растерялся поначалу. Звонил, водил вокруг да около, интересовался на словах здоровьем, настроением, планами на лето, даже предлагал,

хитрец, путевку (на какие шиши ехать после «обгайдаривания?»), а между тем намеками и недоговорками вытягивал советы да подсказки...

Был повод для обиды! Не согласись он, Григораш-то, на предложенную должность, все могло бы для Нелюбина остаться так, как было. Так и подмывало проявить характер! Но не проявил, не опустился, слава Богу, до отместки. Вздыхал да поучал. Наставлял. Подсказывал. Душа болела за работу — нынешним опять же не понять. Но Григораш отберется, освоился на должности да и забыл наставника. А там и Петр Мокеевич свякся с положением...

«Неужели он, голубчик? Вспомнил? Устыдился своей неблагодарности? Решил поздравить с Рождеством? Позднее спохватился. Со старым Новым годом? Премного благодарен! Я, Костя, горд, но не спешу... И сам могу поздравить. Вот возьму да звякну. На опережение...».

Но тут же вклинились сомнения:

«А вдруг звонил не он? Мало ль кто когда-то называл Мокеичем? Тот же Гусев с третьего подъезда. Всех и не упомнишь. Не-ет, скажет Григораш, не звонил сегодня, не было нужды! И что тогда — умыться?»

И все же позвонил. Через две недели, устав от ожидания повторного звонка. С утра Евгения Степановна, наказав купить кефиру и батон, отправилась к подруге. Оставшись в одиночестве, набрал номер телефона своего приемника с намерением бросить трубку сразу же, как только Костя ответит. Удостовериться, что дома...

Абонент незамедлительно ответил утробным женским голосом:

— Слушаю... Але?

И Петр Мокеевич дал маху.

— Простите, — просипел он изменившимся до неузнаваемости голосом. — Я, кажется, ошибся...

Он посидел у телефона на тахте с отрешенным взглядом, оделся и пошел. Но не за батоном и кефиром. Слепо, безотчетно вышел на центральную городскую улицу и через полчаса уперся в ограждение родного управления...

То, что он увидел, потрясло. Некогда обшарпанное, серое и мрачное здание управления выглядело легким трехэтажным теремком под блистающим на солнце кровельным железом. Он неуверенно толкнул входную дверь, зашел вовнутрь и замер... «Матушка родимая!»

На какое-то мгновение ослеп от бьющей в глаза роскоши внутренней отделки. Куда девался тот привычный коридор — грязный и прокуренный, холодный и заплеванной слоняющимся людом — рабочим и служилым? Во всю солидную длину залитого светом коридора стены были облицованы какой-то белой, теплой на взгляд крошкой, схожей с пузырьками пенопласта, но с розовыми тонкими прожилками, а ослепительно сияющий — зеркальный? — потолок отражал зеленую ковровую дорожку...

По застланному покрытием ступенькам крутой парадной лестницы он мед-

ленно поднялся на пролет и, полубернувшись, глянул вниз — туда, где раньше коротали рукоделью смену бабушки-вахтерши. На месте бабушкиных тумбочек стояло некое подобие кабинки с врезанным окном и телефонным аппаратом на подставке. Из кабинки неожиданно вышел белокурый молодой омоновец с упитанным лицом, дожёвывающий что-то на ходу. Увидя постороннего, стал и поморгал оцепенело, затем вдруг густо покраснел и ринулся наверх:

— Вы как сюда попали? Кто вас пропустил? Пропуск предъявите!

Теперь оцепенел и Петр Мокеевич.

— Какой еще вам пропуск?

— Ах, так вы без пропуска? Немедленно назад!

— Да не кричите вы... Никого же не было у входа. Я на пять минут. На третий, в отдел сбыта!

— Немедленно назад! И без пререканий! Что у вас в пакете?

— Не бомба, не волнуйтесь!

— Я спрашиваю, что?!

— Ничего. Он пуст.

— Короче, быстро вниз, не понуждайте к силе! — И подтолкнул Нелюбина плечом.

— Ты кого толкаешь? — вспылил Петр Мокеевич.

— Ты щит возьми с дубинкой. Дубинкой-то удобней! И каску нахлобучь на пустую голову! Не гляди, что пожилой, так подтолкну, пожалуй, что как звать, забудешь!

На шум откуда ни возьмись предстал другой омоновец. Стройный и чернявый, с выправкой спортсмена, с зачесанными на косой пробор вьющимися волосами.

— Что тут происходит?

— Да вот, — кивнул с потухшим видом белокурый. — Отвлёкся на секунду, а этот тут как тут... Пулей проскочил... Да еще без пропуска. Обыскать?

— Не надо. — Осмотрев Нелюбина с ног до головы, чернявый приказал. Выпишите пропуск. В бюро вход со двора. Паспорт при себе? — Нету при себе, — развел руками Петр Мокеевич.

— Что же вы без документов?

— Я все объясню... Я — Петр Мокеевич... Нелюбин. Ветеран труда... В кои веки вздумал попроведать, а тут такая катавасия! И этот... боевик розовощекий, — просверлил глазами белокурого, — обыскивать собрался!

— Кого хотели попроведать? — перебил чернявый.

— Ну, скажем, Григораша — начальника отдела сбыта...

— Хорошо, звоните. Аппарат внизу. Знаете пароль?

— Какой еще пароль?

— Номер по внутренней связи.

— Что ж вы издеваетесь, молодые люди! — взмолился Петр Мокеевич. — Паролей напридумывали тут, как в бункере... у этого! Не знаю никаких паролей!

— Да что мы тут толкуем с ним? Вышвырнуть, и все дела, раз по добру не понимает! — встрепенулся заскучавший белокурый.

— Ладно, помолчи! — осадил черня-

вый. — И вы не горячитесь, как вас... Петр Мокеевич? Григораш — фамилия вашего знакомого?

— Костя Григораш, — подтвердил Нелюбин, чувствуя, как сдавливают сердце... — Ладно, я пошел... Ничего не надо.

— Вы присядьте на минутку там, внизу, — попросил чернявый. — Я сейчас все выясню и выйду.

Нелюбин медленно спустился по ступенькам.

— Ничего не надо!..

Но вышел и присел на заснеженную лавку вдоль расчищенной дорожки...

Чернявый не заставил себя долго ждать.

— Что, отец, остыл немного? — он дружелюбно улыбнулся и подсел к Нелюбину. — Вы не обижайтесь — порядок есть порядок. Служба. А ситуация такая: уволен ваш знакомый. Месяц, как уволен по истечении контракта. Где искать — не знаю. И еще — я вижу, вы не в курсе... нет больше управления. Раскрошили, поделили. Жаль! Я сам на стройке начинал. Теперь здесь — частная компания, новые хозяева. Вот так. Такая ситуация!

Нелюбин промолчал, лишь сильнее съезжился.

Чернявый встал.

— Вот так... До дому доберетесь? Помощь не нужна?

— Нет... Не беспокойся. Спасибо тебе, парень!

... Из распахнутой настежь двери средней школы по противоположной стороне малолюдной улицы на двор высыпала стайка детворы и пошла стенка на стенку в рассыпающиеся пухом на лету снежки.

«Тоже ведь весну почуяли!» — улыбнулся Петр Мокеевич.

Светлая печаль растекалась по сердцу. И даже от сознания того, что внешний его мир отныне замкнут в суженном пространстве от дома до киоска «Роспечатать», не улетучилась улыбка...

Солнышко на лето! А со временем зачатия весны в вечно живой природе так много было связано в его, Петра Мокеевича, жизни: от беспричинного восторга, самопожертвованной любви, ощущения полета и прилива сил до безмятежного сознания неотвратимости ухода... Чего еще желать?

Костя Григораш пришел домой к обеду.

— Чем порадуешь сегодня? — встретила жена холодным взглядом.

— Ничем. Пока ничем. Все — пустые хлопоты. Найти работу нынче — не пустяк.

— Что-то затянулись твои хлопоты. — Жена поджала губы и выдержала паузу. — Кто-то только что звонил...

— Кому? — застыл на месте Григораш.

— Не знаю, кто, кому... Позвонил да извинился, сказал, ошибся номером... Но голос показался мне знакомым.

Григораш разделся и умылся, причесался перед зеркалом и прошел на кухню. Уставя глаза в стол, раздумчиво спросил:

— А голос — старый? молодой?

«Благодарю судьбу за непокой...»

Рассекретились

Я тебя дождусь, любимый.
У порога встречу.
От соседей говорливых
Встречу «засекречу».
Только стукнешь потихоньку,
Я тебе открою,
Подтолкну тебя легонько
Взглядом успокою.
Ты же, слон в посудной лавке,
Добрый и большой,
Пробираешься неловко
На руках со мной.
Загремишь упавшим стулом,
«Рассекречусь» хохотом.
Что мне эти пересуды.
Пропади все пропадом!

* * *

Не отвечай вопросом на вопрос
И не впадай в нехитрое коварство.
Наивный. Ты душе моей принес
Под сладким медом

горькое лекарство.

Не надо. Не обманывай меня,
Не уменьшай числа своих поклонниц
И не страшись бесовского огня
В глазах моих безумных от бессонницы.
Я ничего не стану говорить.
Приму твое наивное лукавство.
Мне так легко и сладко будет пить
Тобою сотворенное лекарство.
Переболев тобой, перекрещусь
И обрету свободу от безумья.
А если нет, то кошкой обернусь
И девять раз погибну в полнолуние.

* * *

У судьбы два имени: Он, Она,
Две дороги пыльные без дождей,
Но судьба всесильная, как весна,
Приготовит третью еще трудней.
У судьбы два времени: было, есть,
А узнать о будущем не дано,

Календарь изорванный не прочесть,
Прошлое не выбросить за окно.
У судьбы два прозвища: доля, жизнь,
Но куда б нелегкая ни несла,
Хоть и за соломинку, но держись,
И меня соломинка та спасла.
У судьбы два голоса: крик и смех.
С криками рожденные, в крик уйдем.
Захохочем грозами, но для тех,
Кто однажды встретится под дождем.
У судьбы два имени: Он, Она,
У судьбы два времени: было, есть,
Но во все столетия — времена
У судьбы две радости: жизнь и смерть.

* * *

Ты мой. Понимаешь? Мой.
Мой. Понимаешь ты это?
Словно землю рассветы
Я овладела тобой.
Помню, как ты умирал...
Я в тебя кровью вливалась,
Тихо в тебе растворялась,
Ты меня злого принимал.
Знай: я сильнее тебя.
Сопrotивляйся! Не можешь?
Этим уже не поможешь,
Только измучишь себя.
Знай: я огромней тебя.
Ты во мне пламенем спички.
Все твои сны и привычки
Я обратила в себя!
Я обратила в себя
Душу твою проливную.
Я тебя кровью врачую,
Перерождаю тебя.

Ты во мне маленькой болью,
Сладкою болью живешь.
Вырастешь, выйдешь на волю —
Душу мою разорвешь.
Будешь смеяться надменно,
Сладкою волю познав,
Или молчать суеверно,
Тело мое растоптав.
Только поймешь, что ты сделал,
Станешь опять умирать,
Но без души и без тела,
Что я смогу тебе дать?

* * *

Благодарю судьбу за непокой,
За боль мою, свободу и сметенье,
За трепетное первое волнение
И первые рассветы над рекой.
За долготу осеннего тепла
И сок брусники на губах горячих,
За то, что я всегда собой была
И не ждала, как милости, удачи.
И даже за спасительный костер.
Войду в него без боли и сомненья.
Я принимаю этот приговор
И не прошу ни слова, ни прощенья.

Еще за то судьбу благодарю,
Что все грехи отпущены мне Богом,
За то, что я невинная сгорю,
Смеясь в лицо ханжам и недопрогам.

К зиме

Эй, зима! Остынь немножко!
Дай ты людям тишины.
Что вцепилась, словно кошка,
В шлейф красавицы весны?!
Ничего тебе не светит,
Убирайся поскорей
И под лавкой старых сплетен
Не наточивай когтей.
Все равно о них забудут,
В зимний вечер зашвырнут,
Сами все влюбляться будут,
Не забудут, так поймут.
Ты-то точно отлюбила.
Даже сплетен больше нет.
Уходи ж, как уходила
Ты весною тыщу лет.
Не скребись ты кошкой драной,
Не студи ты людям душ.
Я сама старухой пьяной
Через жизнь к тебе вернусь.
Я седой и старой стервой
Буду злиться, как зима,
Но тебя, котенок белый,
Снегом выхожу сама.
Отпуцуй тебя на волю,
Побежишь ты по полям.
Я же вслед тебе забую,
Угодобившись ветрам.

* * *

Тени, тени, тени.
Холодно. Темно.
Душно, как от лени.
Видно, не дано
Мне чего-то стоить
И счастливой быть.
Может, с веком спорить?
Может, просто жить?
Мне туманит ночь?
Совесть человечья,
Дай же отдохнуть!

* * *

Мне больно. Больно мне теперь,
Что так легко тебя узнала
И за распахнутую дверь,
Что перед тобой не закрывала.

За то, что ты во мне любил
Лишь девку, что с тобой грешила.
За то, что ты мне все простил.
Простил...
А я бы не простила.

Александр Изумнов

КСЮША

Рассказ

И снова, сегодня, ее палец застыл на спусковом крючке снайперской винтовки. Глаза с нежностью и надеждой искали в предрассветной дымке, окутавшей развалины вражеских позиций, знакомую фигуру человека. С раннего утра непривычно и радостно щемило сердце, заставляя улыбаться ее красивое лицо, перебивая мысли в голове. Появилось жгучее желание отбросить в сторону надосевшую винтовку и ласково обнять руками весь этот коварный, ставший прекрасным, мир. Она неторопливо, сладко потянулась и громко промурлыкала мотив любимой песни, звонко засмеялась, совсем не обращая внимания на охранявшего ее Мустафу, неожиданно для себя всплакнула. Все вокруг и в ней самой было непредсказуемо, великолепно, непривычно и странно.

Веселый смех, случайные слезы, робкое ожидание, приятный зуд тела перемешались в чудном хороводе девичьих чувств, воскресивших в безжалостной снайперше женское начало.

Влюбляются по-разному. На миг, на всю жизнь. В лицо, тело, душу, по плану, без плана, в пятнадцать и в сорок лет. Природный инстинкт или что-то другое увлекло Ксюшу влюбиться в двенадцать лет в десятиклассника. Потом он ушел в другой город учиться, а девочка его всегда помнила, ждала, надеясь на чудесную встречу. Так в ее памяти до двадцати лет сохранилось доброе, милое очарование первой влюбленности. Полузабытое, полупотерянное увлечение ожило, встрепенулись все клеточки тела, как крыло ласточки при дуновении весеннего вестерка. Девушка вновь влобилась через прорезь снайперской винтовки в героя детских грез, своего кумира, воевавшего в рядах противника. Влюбилась по-настоящему, по уши, назло своим и чужим в этой страшной и странной войне.

Ксюша долго ждала и наконец-то нашла свое счастье, свою жертву, которой сохранила жизнь для самой себя. Ей стал противен окружающий мир грязи, хаоса, невзгод, лютых обстрелов артиллерии и авиации, раскрытых мужских глоток, захлебывающихся в предсмертном крике. Сама война отодвинулась на второй план, ушла в тень, уступив место радужным иллюзиям, не вписывающимся в черные краски жестокой повседневности.

Этот счастливый, только ей принадлежащий кошмар длился с субботы. Снайперша по привычке ловила на мушку «федералов», замирала как волчица перед броском и, не решаясь сделать прыжок, искала другую добычу. Ксюша не стреляла, страшно боясь спугнуть ту лирическую тишину, установившуюся на ее участке обороны, поселившейся в укромном уголке девичьего сердца.

Еще несколько дней назад она стреляла без промаха, удивляя меткой стрельбой своих охранников. Убивала расчетливо и жестоко, с удовольствием ставя жирные крестики в потрепанном белом блокнотике. Для нее не существовало друзей, врагов, русских, чеченцев. Люди становились живыми мишенями, за

уничтожение которых платили большие деньги. Все, что шевелилось, двигалось, бежало и ползало по ту сторону условной линии обороны, попадало в ее прицел.

Ксюша равнодушно ловила очередную жертву в окуляры оптики и, сосредоточившись, прищуривала левый глаз, и плавно нажимала своим ухоженным указательным пальчиком на спусковой крючок. Случайных гражданских, и в штанах, и в юбках, убивала сразу, стараясь попасть прямо в лоб и одним выстрелом вышибить из башки их дурные мозги. Таких не добивала, повезет — пусть живет. Даже ее подельник Мустафа ставил в укор ее излишнюю жестокость и за глаза называл «прекрасной стервой». Она с охотничьим огоньком в глазах холодно отвечала:

— Мне они для разминки нужны, винтовку пристрелять, навыка не потерять. Я их в башку наповал луплю, не мучаю сердешных.

Ее охранники опасались этой красивой остервенелой бабы, которая при случае, не моргнув глазом, пожалуй, и их головы снесет, лишь бы свой спортивный интерес удовлетворить.

Солдат убивала двумя выстрелами и тоже в голову. Знала, что они грудь пытаются прикрывать «брониками» и всякой стальной чепухой. А так наверняка. Второй выстрел контрольный. Как прилежная школьница не забывала поставить новый крестик в записной книжке.

Офицеров щелкала с расстановкой, садистски, со зверским оскалом лица и душевным азартом. Сначала била по ногам, по рукам, а потом в пах. Убедившись, что все пули попали в цель, могла и не добить беднягу, оставить калеской, который вряд ли выживет. А если и выживет, то проклянет тот день, когда родился. Будет мучиться остаток жизни и все равно умрет. Точнее, подохнет, никому не нужный в стационарном военном госпитале, по пьянке в грязной сельской луже или в убогой городской подворотне. Под офицеров подходили все, кто старше двадцати, не зависимо от формы одежды. Федералы, спецназ, лысье, волосатые, с усами, без усов, с бородаками и без. Мужики и бабы в камуфляжке становились жертвами ее дьявольской меткости, жирными черными крестиками в записной книжке.

И вот с неделю назад, деловито поймав очередного кандидата в покойники на мушку, она замерла, вглядываясь в его лицо. Что-то до боли знакомое показалось в облике офицера, прижимающего к груди бинокль и внимательно провожающего взглядом уходящих в поиск солдат. Какая-то сила удерживала палец на спусковом крючке и она не сделала роковой выстрел. О чем позже благодарила Бога. Это был тот самый мальчишка, из далекой юности, ставший настоящим мужчиной. Она разглядела и родинку на его щеке, величиной с горошину. А его глаза были прежними. Потенные, грустные, с синеватым отблеском. Длинные музыкальные пальцы, которыми он по старой привычке приводил в порядок свои

смоляные буйные волосы. Походочка вразвалочку, чуть-чуть с ленцой, все было его, все сохранила ее память. Теперь лишь бы услышать его голос, мелодию слов, напомнить ему о себе. И может быть... Ксюша глубоко вздохнула, пошатнула дуло винтовки, неосторожно выдвинувшись вперед, вызвав ворчание охранника.

— Демаскируешь, — выдохнул опытный вояка, секунду помедлил и решительно увлек девушку в глубокий окоп, вырытый под бетонным перекрытием разрушенного взрывом строения. Интуиция не подвела чеченца. Русские не заставили себя ждать.

Разорвав утреннюю тишину громыхнул мощный залп ракетных установок. Черда точечных взрывов пронеслась над землей, повалив деревья, растущие вдоль разбитой дороги. Тяжело зашаталась бетонные перекрытия фундамента над головой. Рой горячих осколков и всякой всячины, поднятые взрывами с земли, как летний град простучала по крыше укрытия. Еще несколько залпов артиллерии унеслись вглубь обороны чеченцев, круша все на своем пути. Убивая виновных и невиновных, собирая в свои смертоносные жернова новые жертвы. Мустафа, в который уж раз за эту и предыдущую войну, поблагодарил Аллаха за везение и небесную милость, благодарно хлопал ладонью по толстым бетонным перекрытиям, проговорил:

— Лишь бы не прямое попадание. Бункерочек что надо, — удивленно взглянул на спайпершу, спросил:

— Ксюша, ты что, испугалась?

Девушка лежала некрасиво раскинув ноги, всхлипывала, вытирая кулачком, запорошенным пылью лицо. Она с горечью подумала, что никто ее не понимает и не сможет понять накатившую на сердце обиду. Никто иной, а ее любимый дал команду на артобстрел, желая убить девчонку, влюбленную в него с детства. Ксюше в эту минуту было жаль себя, его, Мустафу, всех людей, стрелявших друг в друга. Она плакала, жалея, что так нелепо сложилась жизнь. И вновь с нежностью подумала о нем.

«Бедненький, он стал офицером и воюет, начиная с Афгана. Чтобы выжить, должен убивать. Мишенька не знал, что здесь нахожусь я. Он защищается и по-своему прав». Она впервые назвала его по имени и, найдя аргументы в защиту, перестала плакать, ожила.

По-детски шмыгнула носом, подобрала под себя ноги, проговорила:

— Спасибо, дорогой Мустафанчик, за боту. Нас засеки. Надо сменить позицию.

Удивленный ласковым словом («прекрасной стервы»), Мустафа принял благодарность как должное, важно кивнул:

— Есть запасной вариант, пусть утихомятятся, позавтракаем и передем. Поперек горла ты им. Зря не высовывайся.

Ксюша не терпелась скорей прильнуть к прицелу винтовки, найти своего любимого, убедиться, что жив. Она отхлебнула из термоса несколько глотков горячего чая, закусила сыром. Проверила боезапас и поползла за Мустафой.

Устроившись на новом месте девушка сразу вычислила Михаила. Высокий и ловкий, он, как сказочный принц, звал и манил к себе. Не шелохнувшись она пролежала целый час. Потом Михаил исчез в глубине окопа и появился в другом месте, держа в руках карту. Что-то чертил на карте, рассеянно покусывая шариковую ручку и поглядывая в сторону чеченских позиций. Отдал приказ солдатам, которые маскируясь поползли по земле в сторону чеченцев. Она с гордостью подумала, что ее Миша стал настоящим командиром, которого уважают и слушают подчиненные. Еще час она наблюдала, как солдаты, выставив наружное охранение, осматривали обнаруженную и развороченную взрывом снайперскую позицию. Также осторожно они вернулись назад. Доложили Михаилу о результатах вылазки. Ксюша увидела, как был огорчен он их докладом.

«Птичка улетела», подумала она, не питая злости к русским солдатам, совсем не жалея, что не открыла по ним огонь.

Решение пришло вечером, когда вернулись в бункер, где глубоко под землей отдыхались защитники города. Ночью при свете керосиновой лампы Ксюша написала записку. Она просила Михаила о встрече на нейтральной полосе, возле одинокого каштана, вечером. Утром попросила Мустафу:

— Найди человека, лучше бабу, с гарантией, что вернется. Нужно сходить на ту сторону. Хочу поиграть в кошки-мышки. Ни о чем меня не спрашивай, Мустафанчик, позже расскажу.

Парламентера нашли быстро. Древнюю русскую бабу, прятавшуюся с двумя внуками на пустыре. Ксюша отвела ее в сторону и сунула в руку клочок бумаги:

— Передашь их командиру. Он одет в пятнистую куртку, кепку, на груди бинокль, на боку сумка. Зовут Михаил. Внуки остаются заложниками. Вернешься — отблагодарю. Не вернешься, сама знаешь, что будет.

Старушка, суеверно перекрестившись, вытерла старым платком накатившиеся на глаза слезы и молча взяла в руки записку. Мустафа протянул ей белый флаг, весело гоготнул:

— Парламентером будешь... Смотри не балуй, старая. Не вернешься, ножичком по горлу чик-чик и нет внуков.

Ксюша добавила:

— Я за тобой, бабушка, наблюдать буду. Если он согласен, пусть три раза махнет левой рукой. Запомнила? Три раза.

Смешно покачивая белым флагом, неуклюже перебирая больными ногами, старуха сгорбившись засеменила в сторону федералов. Смысла дьявольской игры она не понимала.

Знала одно: играть надо строго по их правилам. Ксюша хорошо видела, как удивленные солдаты пропустили странного парламентаря. Протянув услужливо руки, помогли бабке спуститься в блиндаж, где находился командный пункт батальона.

У старухи сдали нервы. Тяжело опустившись на скамейку, сквозь слезы проговорила:

— Прячьтесь, сынки. Оружие у их точное. Девушка молодая стреляет. Мне к командиру, который с биноклем и в куртке. Мишей кличут. Быстрее, сынки, у меня внуки в заложниках, боюсь за них.

Солдат как ветром сдуло в укрытие. Загорелый до черноты молодшеватый сержант с повязкой на лбу, броником на груди и снайперской винтовкой в руках, зло выругался:

— Стерва, проститутка! Выжила курва. Погоди, вычислю змеюку, хлебнешь кровавых слез. И за ребят убитых, и за бабу, и за ее внуков. Гнида живучая, матку наизнанку выверну, прибалтийская холера.

Может быть что и поняла из его слов Ксюша, если бы слышала проклятия простого русского солдата. Люди стали бы людьми, а не мишенями и крестиками в записной книжке? И бежала бы она без оглядки отсюда. Стала бы любить парней, рожать детей. Может быть, может быть... Не слышала солдата спайперша, с нетерпением ожидала развязки своей авантюры.

Михаил появился неожиданно. Помог бабке вылезти из окопа и смело поднялся во весь рост. Ксюша с ликованием любовалась своим избранником. Девичьи мечты, робкие надежды сосредоточились в окулярах оптического прицела, застыли на указательном пальце ладони, на спусковом крючке.

Лицо Михаила было растерянным, мечтательным и юным. Как в девичьих грезах. Грустно и внимательно долго смотрел на дымящиеся развалины города. Ей показалось, что взгляды их встретились. Он махнул Ксюше левой рукой и медленно, глубоко кивнул головой. Как когда-то в церкви на богомолье, куда однажды девочкой ее водила мама. Она смущенно покраснела, почувствовав иронический взгляд чеченца.

— Блажишь, девчонка. Когда говнюков щелкать будешь?

Ксюша промолчала. Дождавшись возмущения старухи, неожиданно обняла ее, сунув в ладнь горсть мятых долларов.

— Спасибо, бабушка. Это тебе, одень и накорми внуков и не поминай лихом. Прости нас за все.

Что-то творилось в душе спайперши, появилась сентиментальность, не нужная на войне. Мустафа не выдержал, нахмурившись, проронил:

— Благодетелем работаешь? Ну, Ксенька, погоди...

Она резко повернулась, глаза ее сверкнули:

— Слушай и запоминай. Ты мне не указ. Бери винтовку, стреляй федералов. Я охранять буду. Посмотрим, сколько ты заработаешь. А эти дни я в отпуске. Через прицел природой люблюсь. Надоели мне вояки, штабную крысу хочу щелкнуть, может быть генерала, понял?

Не в планах Мустафы было ругаться. Характер у девушки — огонь, он решил примириться:

— Понял. Не сердись, Ксюш, сколько вместе хлебаем лиха, вижу я тебя насквозь. Не

тем делом занимаешься, не тем. Генералы, девчонка, в тылу командуют. Стреляй, дорогая, тех, кто есть. Какая разница за кого доллары получать? Ценник на всех покойников один. Не мудри. Сама знаешь, у нас слюнтяи не в почете.

Примирение устраивало и Ксюшу:

— Устала я, глаза спяпаются. Двигаем на отдых. И не мешай мне свое дело делать, не спрашивай, пока сама не скажу. Ты ведь мне друг, Мустафа, правда?

Чеченец усмехнулся, задумался, еще многого не поняв из того, что «прекрасная стерва» наговорила. Решил не расспрашивать, а ждать и попытаться самому разгадать загадку.

Вечером многое прояснилось. Девушка прихорашивалась, красила брови, чистила ногти, напевала мотив любимой песни. В дальнем закутке переоделась в сиреневое платье, надела на ноги новые туфли и безоружная попыталась незаметно юркнуть возле спящего Мустафы. Хитрый чеченец давно не шелохнувшись, полуприкрыв глаза, наблюдал за Ксюшиными приготовлениями и громко захрапел, когда она прошла мимо. Быстро вскочил на ноги, схватил автомат и, не теряя из вида сиреневое платье, двинулся следом.

Солнце спряталось за горы, смеркалось. Более темным пятном на пригорке выделялся обгоревший каштан, чудом сохранивший на верхушке зеленую листву. Ксюша торопливо шла по тропинке, панически боясь опоздать, ругая себя за долгие сборы. В той, переданной Михаилу записке, она назначила первое в жизни свидание. Трехкратный взмах руки любимого вселил в сердце уверенность. Она спешила к каштану, на нейтральную полосу, где должен был ждать он. «Лишь бы взглянуть в его глаза, услышать голос, а там будь что будет» — подумала в сотый раз Ксюша. Споткнувшись о камень, неловко пошатнулась и ступила лакированной туфелькой в сторону от тропы. Услышала душераздирающие залпы артиллерии и почувствовала, что земля уходит из-под ног. Сломав каблук, разорвав на боку платье и поцарапав правый бок об арматуру, она свалилась на дно глубокой ямы, бывшей когда-то ее снайперской точкой. Схватилась руками за бетонное перекрытие, пытаясь вылезти наверх, услышала шум шагов и громкий испуганный крик. Ударная волна взрыва сбила Мустафу с ног и бросила его тело в яму на голову Ксюши. Падение спасло обом жизнь. На севере гремел гром. Вечерние сумерки прорезали огненные трассы летящих ракет, уносящихся с позиций русских. Яркие вспышки взрывов окружили огненным хороводом одинокий каштан на нейтральной полосе. Точным попаданием снаряд разломил до основания обнаженный ствол дерева, расщепил и поломал осколками увесистые ветки, сбив с верхушки дерева остатки зеленой листвы. На том месте, где рос столетний каштан, образовалась широкая воронка, по бокам которой дымились вывороченные из земли корневище дерева. Так же внезапно, как начался, ракетный гром прекратился.

Мустафа лежал, навалившись телом на Ксюшу, успокаивающе глядя ладонью ее русые волосы. Девушка опомнилась, уткнулась лицом в широкую волосатую грудь чеченца, по-детски всхлинула. Не выдержав, громко, по-бабьи, во весь голос заголосила.

— Что ты наделал, что ты наделал, мой миленький?

— Как мне быть, как мне быть, мой си-неглазенький? Бедная, бедная я, кто пожалеет меня, приголубит если не ты, мой хорошенький? Плохо, ох плохо мне, мой единственный. Расстрелял ты мне сердце, мой ненаглядный. Мишенька, Мишенька, счастье мое, отзовись, подкажи, как мне быть?

Мустафа удивленно замер, с трудом переваривая мозгами услышанные слова. Вспомнил о вечерних приготовлениях, о странном поведении девушки в последнее время, сопоставил услышанное и наконец-то понял, что творится с отважной снайпершей.

Случилось дикое, невероятное, «прекрасная стерва» умудрилась влюбиться через оптический прицел винтовки! Поход бабки парламентаром, недельный отпуск, затишье на их участке, прояснилось в один миг. Почему-то ему стало досадно и больно, чувство сильной обиды ворвалось в сердце. Чеченец резко оттолкнул девушку, зло тряхнул ее за плечи, сквозь зубы язвительно процедил:

— Замолчи, замолчи, стерва! В кошки-мышки играешь? И вашим и нашим? Так не бывает. Сколько людей убила, так нет, еще любовь подавай. Устрою тебе сладкую жизнь с твоим миленьким.

Он влепил ей звонкую пощечину, грубо оттолкнул в угол ямы. Так и не решив, что делать дальше, отчетливо почувствовал на середине лба холодную сталь своего автомата. Слух прорезал леденящий шепот снайперши:

— Вояка хренов, оружие бросил. Теперь молись своему Аллаху, вымаливая прощение. Угрожать мне вздумал. Застрелю, гад.

Слишком хорошо знал чеченец характер своей «прекрасной стервы». Понял: она не шутит. Страх сковал его ноги, по спине потекла струйка пота. Он судорожно сглотнул слюну, мучительно вспоминая снял ли с предохранителя оружие. Медленно положил повлажневшую ладонь на голову девушки. Мягко и бережно погладил ей волосы. Другой рукой плавно отвел ствол автомата в направлении противоположной стены. Опустился на корточки, осторожно обняв девушку за талию.

— Не сердись. Попытайся понять меня. Надо уходить, пока русские не надумали повторить артобстрел. Отдай пушку. Утро вечера мудренее. Ксюша, идем спать. Не забывай, что мы боевые друзья, девочка. Я хочу как лучше. И тебе и мне.

Ксюша не сопротивлялась. Голос Мустафы убаюкивал. Она послушно, опираясь на плечо чеченца, вылезла из ямы и, выпустив из рук автомат, как лунатик побрела по тропинке. Молча вошла в блиндаж и, не раздеваясь, упала на мягкую брезентовую подстилку. Свернулась калачиком и быстро уснула. Мустафа долго глядел на спокойное, красивое лицо Ксюши, тяжело вздыхал, понимая, что девушка ему нравится. Совсем не так, как другие. Наконец укрыв ее теплым одеялом, обхватил руками автомат, сел рядом. Устало прикрыл глаза, с удовольствием слушая мелодию ее сонного дыхания.

Проснувшись рано утром, Мустафа сразу почувствовал, что блиндаж пуст. Отсутствовало и боевое снаряжение девушки. Ругнувшись, он опрометью кинулся в сторону позиций русских. Присвистнул, мельком заметив развороченный снарядам бугор, где вчера сто-

яло одинокое дерево. Вспомнив обстрел, скрипил губы, лег на землю и ловко пополз между камней. С облегчением улыбнулся, увидев издалека спокойное лицо снайперши.

Ксюша сосредоточенно смотрела в прицел. Сегодня удача сопутствовала ей. Федералы обнаглели за время затишья, совсем пренебрегая мерами маскировки. За это и поплатились. Раздалось два выстрела и безусый солдат, копавшийся наверху окопа, с раздробленной головой свалился на землю. Его оттащили за ноги, беспорядочно паля из автоматов. Бесприцельно отработала артиллерия, и снова все стихло. И так три раза. Она нашла Михаила и убивала находившихся рядом солдат. После полудня пробила его бинокль, карту и планшетку на боку. Ехидно усмехнулась, представив его удивленное лицо. Сегодня Ксюша стреляла очень метко, совершенно забыв ставить крестики в записной книжке. Она мстила ему за свои слезы, обиду, унижение. Мстила зверски, вдохновенно, убивая и калеча его солдат.

Мустафа впервые не радовался Ксюшиной удаче. Понимал, что творится на душе девушки. Весь день наблюдал за противником в бинокль, искоса бросая взгляды на снайпершу. Надеясь, что она наконец-то преднамеренно или по ошибке пристрелит черноволосого командира русских. Глубоко разочарованный, возвращаясь на базу и ступая след в след по знакомой тропинке, он бурчал себе под нос: «Кошки-мышки, кошки-мышки», не находя других слов. Ксюша слышала его бурчание, остановилась и проронила первые слова за весь день:

— Кошки-мышки — детская игра, Мустафа. Не мешай мне и все будет хорошо. Поверь.

А на следующий день она вновь не стреляла, искала Михаила в прицел снайперки. Успокоилась, когда увидела живым и невредимым. Облегченно вздохнула, ругая себя за вчерашнюю остервенелость. К обеду в ее голове созрел новый план действий. Вечером нашла старую «парламентаря» и попросила старую женскую одежду. Отвела душу, вволю всплакнула на груди старой женщины, по теплому попрощалась.

Ночью ей снился сон. Нет войны, буйная майская зелень, солнечная даль и она с Михайлом плывет на белом теплоходе по синему морю. Он нежно обнимает ее и ласково целует волосы, шею, губы. Слегка, играючи, щекочет мягкой щетиной бороды Ксюшину грудь. Она звонко смеется, берет его за руку, и они в одежде прыгают в голубую гладь воды. Берег совсем рядом, ракушечный пляж и прямоугольный свадебный стол, полный угощений. Мокрые и счастливые они бредут по мелководью, слушая крики чаек. Он бережно берет ее на руки, зарывается головой в Ксюшину волосы и сушит своим теплым дыханием. Их встречает смеющийся Мустафа с товарищами по блиндажу, русские солдаты, ее крестники. Живые лица жертв оптического прицела снайперской винтовки. Мужчины садятся за стол и десяток молодых глоток кричат «горько». Льется шампанское, звенят бокалы, звучат тосты. Она — в сиреневом платье, он — в новой офицерской форме танцуют вальс. Гости хлопают в ладоши, приветствуя молодоженов. Мустафа дарит ей огромный букет цветов и огромными ручищами обнимает Ксюшу за талию. Вдруг она чувствует мертвую холодность

его рук, предсмертный всхлип. В ужасе Ксюша ищет глаза Михаила и вместо них! — мертвый оскал его лица, сквозные дыры в глазницах, два ряда почерневших зубов зловеще смотрят на девушку. Кругом за столом толпа покойников возбужденно стучат костяшками суставов и тянутся к ней мерзкими губами за поцелуем. Ксюша кричит, хватается руками за обнявшего ее Мустафу. Чеченец со скрежетом падает к ее ногам, рассыпается в прах, в серую пыль. Захлебываясь в крике, она замечает, как остывает кровь в жилах, падают волосы с головы, с пальцев — ногти, скрючивается кожа. Тело Ксюши деревенеет и молниеносно превращается в сверкающий на солнце скелет. Два скелета, ее и Михаила, держась за руки падают на прах Мустафы, ломаются, превращаясь в бесформенную грудку костей. К ним из-за стола бегут другие скелеты, падают, падают, образуя большую кучу. Над кучей, как флаг, торчит дуло оптической винтовки, на острие которой висит Ксюшина записная книжка.

В этот момент девушка просыпается, открывает глаза, тревожно ощупывает себя руками с ног до головы. Приподнимается с брезентовой подстилки, садится, прижав колени к подбородку, вспоминая приснившийся сон. Разгадать его она не в силах. Ясно одно — надо торопиться, пока не сошла с ума. А там будь, что будет!

Она натянула шерстяное платье, повязала голову старухиным платком, всунула ноги в стоптанные на задниках тапочки и разбудила сладко спящего Мустафу. Проснувшийся чеченец удивленно взглянул на ее маскарад. Ксюша, потупив глаза, пояснила:

— Мне снился дурной сон, Мустафа. Ты и я, все мы покойники. Что-то надо менять, я больше не хочу стрелять. Не отговаривай меня. Я должна сходить к нему, иначе сойду с ума. Помогите мне в одном: держи на мушке. Если дагадаются, будут брать в плен — пристрели. Только не тронь его. Он не виноват и в любом случае должен жить. Я в бакинском платье пойду, скажу: мать ее внуков, думаю, поверят, они доверчивые. Помни, Мустафа, обманешь — на том свете найду, ты меня знаешь. Кроме тебя у меня ближе человека нет. Он и ты. Мне надо разобраться с ним. Вернусь — там решим, как жить дальше.

Чеченец слушал, укоризненно качал головой, искренне жалея свою «прекрасную стерву». Понимал: отговаривать упрямыцу нет смысла. Лучше быть в курсе дела, иначе наворочает дров, как в тот раз.

Они выбрались из bunkера и через час были на передовой позиции. Закусив губу, через прицел она искала его. И он появился. Смело вышел на открытое место и приветственно помахал рукой. От удовольствия видеть Михаила, лицо Ксюши покрылось багровым румянцем, в глазах появились озорные искорки. Полубобавившись избранныком, девушка сползла в окоп. Медленно отрянула платье, повернулась к Мустафе, протянула винтовку:

— Держи. Помни наш уговор. Дай мне дограть игру, помоги и прости, если что случится.

Она обняла за шею своего верного оруженосца, прижала его голову к своей груди, ласково погладила лицо. Искренне поцеловала длинным поцелуем в вспотевший от напряжения лоб. Долго смотрела в оснувшееся и

загорелое до черноты лицо Мустафы, с грустью прошептала:

— Хороший ты у меня, самый-самый... Давно любишь меня, знаю любишь, женское сердце не обманешь. Ты молчи, до встречи молчи. Все у нас еще впереди. Я знаю.

Ксюша легко оттолкнула чеченца, схватила с земли белый флаг, помахала им и сделала первый шаг к позициям федералов. Она приближалась к русским, зная наверняка, что ее засекли наблюдали и уже доложили вверх, по команде. Последние метры шла смело, понимая, что ее уже не убьют. Ловко прыгнула в глубоководную траншею, громко крикнула:

— Ведите к командиру, я за парламентаря.

Разбитной солдат с повязкой на лбу и снайперской винтовкой в руках, плотоядно осматривая с ног до головы Ксюшу. Восхищенно свистнул, сообщил товарищам:

— Опять баба! Везет же нам. Ты, как старуха, на свидание к командиру, или как?

Девушка с издевкой ответила честно:

— К нему, родименький, не к тебе. Черноглазенький. Веди, чечены ждать не любят.

— Чечены — хрены, их снайперша ребят стреляет. Старуха говорила. Вернешься обратно, встретишь курву, передай — доиграется, вычислю гадину.

— Хорошо, — Ксюша передернула плечами, поразившись словам солдата в свой адрес. Как сквозь сон услышала его приказ:

— Громов, отведи девушку к командиру, пошевеливайся.

Она шла вглубь позиций федералов. С интересом разглядывая их хозяйство, отвечая рассеянной улыбкой на взгляды обвешанных оружием бойцов. В зеленоющей лошине заметила расчеты минометов, за ними тяжелая артиллерия. За небольшим леском виднелись стволы нескольких ракетных установок. Между боевыми порядками сновали юркие боевые машины пехоты. Заглушая шум их моторов, урчали двигатели тяжелых танков. На оборудованную площадку заходил вертолет, к которому ехала санитарная машина. Шла обыденная полевая жизнь тыла армейского подразделения, основательно обжившего этот участок местности.

Девушка только сейчас поняла, с какой силой приходится воевать. А чеченцам стрелять-то скоро будет не чем. Склады уничтожены, ни авиации, ни артиллерии, ни танков. Разве можно победить эту военную махину? Целое государство силами наемников? «Наша пальба им как для слона комариный укус», — подумала она. — Неприятно, но не смертельно. Плохи дела. Растопчут они чеченцев в пух и прах, раздолбают, если сам черт не поможет. И конец будет один: как решат в верхах, а не на поле брани. Пора, Ксюша, свою судьбу самой определить. Сегодня, сейчас. Вместе с Мишей».

Они прыгнули за кирпичную кладку обвалившейся стены, где пряталась штабная палатка. Сопровождающий попросил подождать, скрывшись внутри. Она присела на пустой снарядный ящик, глубоко вздохнула, теребя пальцами край платья. Чудесным образом превратившись из смелой снайперши в смиренную девочку, Ксюша робко подняла глаза.

Он стоял на выходе из палатки и смотрел на нее грустными синими глазами. Слабый ветерок шевелил его волнистые волосы. Он поглаживал их рукой снизу вверх, слегка прихло-

пывая ладонью по хохолку. В этой жизни они должны были обязательно встретиться, как сейчас их глаза. Его — любопытные. Ее — беспомощные. Она первая торопливо, сумбурно заговорила:

— Меня послали чеченцы, здравствуйте. Через полчаса я должна вернуться.

Он кивнул, по-мужски, откровенно любуясь ее красивым лицом, тихо спросил:

— Ты кто?

Лицо Ксюши вспыхнуло, покрылось багровым румянцем. Одна половина девушки готова была признаться, довериться, рассказать обо всем. Другая говорила: не смей, не имеешь права, не торопись. Победил инстинкт самосохранения. Она скороговоркой выпалила:

— Воспитательница детского сада. Сад разбомбили, с детьми прячемся в подвале. У меня два сына, муж убит. С ними бабушка, которая к вам приходила. Они в заложниках до моего возвращения. Меня попросили передать письмо и подождать ответ. Вот, возьмите.

Ксюша протянула листок бумаги и быстро отдернула руку. Он подхватил упавший листок, его лицо озарила улыбка:

— Не бойся, я не кусаюсь. От кого письмо?

Не дождавшись ответа, развернул листок, стал читать. Девушка осмелела и откровенно, жадно смотрела на Михаила, сравнивая сегодняшнего мужчину с вчерашним десятиклассником. Настоящий был мужественней, обаятельней и желанней. Она не разочаровалась, наоборот была довольна происшедшими с ним переменами. Не мог не заметить и он волнения девушки, ее страстного взгляда. Что-то странное происходило и с ним в эти минуты. Его как магнитом притягивал облик этой девушки, путая мысли, теряя нить служебного разговора. Хотелось только смотреть, любоваться ею, забыв о войне. Михаил сложил листок пополам и рассеянно сунул в нагрудный карман. Ксюша незамедлительно напомнила:

— Прочитай? Каков ответ?

С замирающим в ожидании сердцем она торопила события, боясь выдать себя словом или жестом. Он сказал совсем другое, то, что хотелось:

— Меня зовут Миша, а ты... Кто ты?

Она пристально посмотрела в его глаза и решила не лгать.

— Официально Ксения, для друзей — Ксюша.

— Хорошо, Ксюша. Почему послали именно тебя?

— Хотели бабушку, разболелась старая. Сказали иди мне, нести это письмо и ответ, по возможности.

— Ты знаешь автора письма?

— Видела, она сама дала мне этот листок.

— Скажи, она красивая, как ты?

— Красивая, я ей в подметки не гожусь.

— Сколько ей лет?

— Около двадцати. Совсем молодая.

— Молодая... Стреляет, как матерый зверь. Бабка твоя рассказывала. И откуда в бывшем Союзе такие берутся?

— Не знаю. Ваши снайперы не хуже, бьют наповал любого.

— А ты откуда знаешь, воспитательница?

— Слушаю, рассказывают, поневоле общаюсь с ними. Жизнь заставляет, сам понимаешь. Пиши ответ.

— Понимаю. Может, останешься?

— А дети и бабушка? С живых шкуру сделают. Делай, как она сказала, время не ждет.

— Ты знаешь, что написано в письме?

— Нет, меньше знаешь — лучше спишь.

Он опустился на землю, достал ручку, листок бумаги. Изредка поглядывая на Ксюшу, стал писать. Сейчас ей хотелось, чтобы он обо всем догадался, уличил во лжи. Отгоняя эти мысли из головы, она нарушила тишину:

— Велели спросить про каштан. Это был твой ответ на первое ее письмо?

Михаил приподнял голову, усмехнулся, прищурив глаза, сложив листок, протянул ей:

— Возьми. И скажи: война и любовь несовместимы. Мы противники. Я защищаю добро, она — зло. Солдат удачи за деньги моих хлопцев хлещет. Вчера троих убила. Как это назвать? Любовь ко мне? Я как прокаженный в глазах ребят. Лезу на рожон — жалеет, не стреляет. Каштан, свидание, в своем ли она уме? О какой любви можно говорить, когда моя возлюбленная моих друзей лихо расстреливает.

И где научилась так стрелять? Для меня она снайперша, понимаешь, снайперша — убийца. И так будет до конца войны.

— Понимаю. А после войны? Велели спросить: вы женаты?

— Трудно загадывать. Я холостой. Был женат, да не судьба. Не дождался меня с первой войны. Не об этом сейчас речь. Она написала, что знает меня с юности, узнала через оптический прицел винтовки. Бывает и такое, невероятное в жизни. Я верю ей и мне жаль ее. Одно могу сказать: пусть уходит из города, так будет лучше и ей и мне. Ответа не будет, передашь на словах. И эти переговоры последние. Будет мне втык за вас. Что я скажу начальству? О любви, о свидании, о каштане? Запомни, после войны меня не трудно найти, зная фамилию и имя. Пусть уходит и не стреляет, Богом прошу, заклинаю любовью и всеми святыми.

Он говорил быстро, отрывисто, с горечью и обидой, глотая слова, нервно теребя пальцами листок бумаги. Наконец порвал его на мелкие кусочки и пнул под ноги девушки. Она быстро нагнулась, желая поднять, и громко вскрикнула заметив, как ветерок разогнал писанные клочки в разные стороны. Ксюша сникла, опустила плечи, отчетливо понимая, что никогда не узнает, что написал ей Михаил. Не сумев сдержаться, она разрыдалась, вытирая слезы старушечьим платком. Длинные волосы девушки распустились по плечам, открыв всю девичью красу. Пораженный Михаил замолчал, неожиданно прижал ее дрожащее тело к себе, прошептал:

— Уходи скорее, воспитательница, и помни, что я сказал. Сейчас не время и не место. Вытри слезки, я провожу.

Они молча достигли передовых позиций федералов. Словоохотливый снайпер не удержался и на прощание крикнул:

— Приходи еще, милости просим. Духам передай: труба их дело, пусть сами себе характер делают, пока я не сделал. Так и скажи этой проклятой снайперше: сержант Вова расчет получить хочет. Натурой, ее головой. Командир, дальше опасно. Не ходите, стреляет.

Михаил кивнул заботливому сержанту, прошел несколько шагов, поднявшись на бугорок, остановился. Вырвал листок из блокнота, по-доброму усмехнулся, что-то черкнул и протянул Ксюше:

— Возьми, воспитательница. Это тебе от-

вет. Сегодня у снайперов перемирие, но чем черт не шутит. Наши олухи тоже без разбора лупят, могут и в спину. Я на видном месте стоять буду, пока ты до своих доберешься. Так они не посмеют. Ох уж эта война. Чертовщина, а не война, даже на Афган не похожа. Одни заваруху начинают, другие капиталы наживают, третьи страдают, четвертые погибают. Мне холостяком легче в войнушках участвовать, никто не ждет. Мать умерла, жена бросила. Только вот жизнь проходит, а ты гол, как сокол. Без дома, без семьи. Не вечно война будет, надо надеяться на лучшее. Уходите из города, красавица. Мы не отступим, будет штурм. Первыми пострадают женщины и дети. Я не хочу вашей гибели, понимаешь, не хочу. Теперь иди и помни мои слова. Как говорят, ни пуха тебе, ни пера.

— К черту, — прошептала Ксюша, плотно сжимая в ладони драгоценную записку, приблизилась к нему, обняла за плечи, заглянула в синеву его глаз, засмеялась. — Снайперша просила поцеловать тебя. Она наблюдает в прицел, это главное ее условие.

Она потянулась к нему, зажмурилась, почувствовав его дыхание и дурманящий привкус солоноватых губ. На виду у своих и чужих они замерли в первом и последнем поцелуе, крепко обняв друг друга. Опомнившись, она неловко оттолкнула его, виновато сказала:

— Еще заревнует, пальнет с обиды. Мне пора, не обессудь, дети и бабушка ждут. Понял, бабушка и дети.

Ксюша пальцами прижала ему губы, глазами попросила молчать, вывернулась из его объятий и прощально махнула рукой. Она шла не оглядываясь, зная наверняка, что он растерянно смотрит вслед.

Михаил повернулся к болтливому сержанту и громко приказал:

— Передай по цепочке. Не стрелять. Без приказа не стрелять. Иначе и меня уложат, сейчас могут и не пожалеть. Понял, Вова, не стрелять.

На полдороге девушка не вытерпела. Присела, воровато оглядываясь, и быстро расправила смявшуюся в ладони записку. На листке чернели три слова и восклицательный знак, которые для Ксюши внесли ясность во всем. Они были сильнее обычного объяснения в любви. Всего три слова. «Это была ты!».

Девушка выпрямилась, прижала к сердцу дорогой листочек и пропела пришедшие на ум слова простой песни:

«Миленький, ты мой,
Возьми меня с собой.
И там в краю далеком
Буду твоей женой».

Ей захотелось крикнуть от счастья, рассказать всему свету добрую сказку о своей любви, обнять и зацеловать все и всех. Вот и он, ее верный Мустафа, мрачно смотревший в прицел снайперской винтовки, направленной в сторону федералов.

Чеченец помнил их уговор все время, пока девушка находилась у федералов. Видел болтливую русскую снайпера, которому Мустафе ничего не стоило одним выстрелом раскроить черепную коробку. Наблюдал с лютой злобой, как они прощались на пригорке, прижимались друг к другу. Тогда он

сжимал до посинения указательный палец правой руки от желания завалить обоих. Вытерпел позор Мустафа, взяв теперь не ее, а его на мушку. Видит Аллах, он играл до конца.

Ксюша не учла главного, страшного, что может быть только на войне, где многое соизмеряется через прицел винтовки. И чеченец тоже любил. По-своему, суровой солдатской любовью, по законам гор, где он родился. Суровый воин принимал как должное духовную близость девушки, заботился, оберегал ее, не щадя жизни. Он считал ее своей собственностью, частью необходимого интерьера, без которого не стоило жить. Мустафа был влюблен по-своему, по-настоящему. То, что он наблюдал в прицел оптики, переворнуло его душу, появилась бешеная ненависть к сопернику. Услышанные слова песни, нежный голосок Ксюши усилили ярость и ускорили развязку. Чеченец торопливо приподнял дуло винтовки, вывел перекрестие оптики на голову Михаила, в глубокую морщинку у него на лбу, с обидой пробормотал:

— Будут вам кошки-мышки, — прицелившись, плавно нажал на спусковой крючок. Повсюду грудь облегченно вздохнул, когда увидел, что пуля попала точно в цель. Не стал мудрить и для верности сделал два выстрела по фигуре падающего человека. Ксюша громко вскрикнула, всплеснула руками, поняв страшный смысл выстрелов, завывала, бросившись с кулаками на Мустафу, отчаянно закричала:

— Что ты наделал, что ты наделал, как ты мог?

Чеченец схватил ее за руки, рывком бросил на дно окопа, прорывал:

— Это ты виновата во всем, только ты...

А в это время друг и заместитель Михаила, собрав ротных командиров в штабной землянке, виновато говорил:

— Доигрались в парламентаров. Говорил ему: не верь чеченцам, особенно бабам. Избежать кровопролития захотел, уговорить сучку не стрелять по нам. Теперь исправлять ошибку будем. По всем правилам военного времени. Личный состав приготовить к атаке. Артиллерия к бою. Радист передавай. Квадрат 30/2 отработать полный залп, чтобы все и всех съечь к чертовой матери. Потом зачистка, в плен не брать. Ни баб, ни мужиков.

Артиллеристы быстро провели корректировку и десятки стволов ракетно-зенитных установок «Град» рыкнули своим зверным ревом.

Ксюша еще успела оттолкнуть Мустафу, вылезти из окопа, с болью и надеждой взглянула в сторону федералов. Услышала знакомый грохот ракетных установок. Из окопа показалось заросшее седой щетиной, искаженной гримасой лицо Мустафы. Он успел крикнуть: «Нас засекли, теперь накроют», — как ударная волна ударила по ним. Осколок величиной в кулак врезался в шею чеченца ниже подбородка, раздробил гортанную полость, разорвал вены и сухожилия. Сотни кровавых искринок полетели в девушку, обрызгав ее с ног до головы теплым красным дождем. Оторванная голова Мустафы с выпученными, еще живыми глазами, кувыркалась в воздухе и упала на грудь девушки. Ксюша машинально погладила плешь чеченца, скользнула ладонью вниз и обнаружила

пустоту. Осознав случившееся, двумя руками оттолкнула с груди голову Мустафы, которая тяжело шмякнулась на дно окопа. Мельком заметив лежащее рядом, дергающееся в конвульсии тело, вспомнила приснившийся сон. Отчетливо поняла его пророческую суть. Размазав по лицу кровавые капли, оглохшая и равнодушная ко всему, она поднялась на ноги и шатаясь, как пьяная, побрела по полю в сторону федералов. С долей надежды взглянула на бугорок, где попрощалась с Михаилом, и не найдя его, окончательно сникла, смирившись со своей участью. Теперь она торопилась мысленно проститься с близкими ей людьми, попросить у них прощения. И может быть не только у Михаила и Мустафы, но и у всех убитых в этой войне русских и чеченцев. Опуштленная, безразличная ко всему живому, она ждала как избавления от душевных мук, скорой и легкой смерти. И Боги смилостивились. Повторный залп ракетных установок поставил точку. С бешеной скоростью снаряд ворвался в ее тело. Разорвал на тысячи песчинок то, что секунду назад было человеком по имени Ксюша. Навсегда примирив ее с миром и людьми.

Через полчаса федералы произвели зачистку местности, но труп снайперши так и не нашли. На обвалившийся и засыпанный землей окоп не обратили внимания. Последним, плюясь, уходил снайпер Вова, в глазах которого был убит Михаил. «Выжила выжила стерва, — бубнил он под нос, нервно сжимая свою винтовку. — Все равно дастану, заплатишь мне за командира кровавыми слезами, гадина».

А ночью приползли чеченцы. Молча разрыли саперными лопатками обвалившийся окоп, бывший последней позицией снайперши. На самом дне нашли похолодевшую человеческую голову, покрытую густыми кровавыми пылью. Под головой обнаружили снайперскую винтовку и тонкий блокнот. Без труда определили владельца головы и завернули в брезентовую накидку. Дальнейшие поиски ни к чему не привели. Ни тела Мустафы, ни трупа девушки не обнаружили.

Молодой, безусый чеченец повертел в руках винтовку и довольно цокнул языком:

— Ксюшкина оптика, бьет без промаха. Ахмет, запиши меня в снайперы. Может, что получится.

Командир одобряюще похлопал его по плечу:

— Бери, на здоровье. Ксюшка отстрелялась, разнесло, бедняжку, в клочья и Мустафу с собой прихватила. Отличный вояка был, подол бабьей юбки подвел. Одна голова осталась, что с ней делать будем?

— Похороним где взяли, сама место выбрала.

— Правильно. Ложи аккуратно на дно и блокнотик рядом. Никому Ксюшины крестики не нужны.

В это время в штабной землянке федералы прощались с командиром. В изголовье, на тумбочке, стоял граненый стакан водки и лежала ржаная корка хлеба. Сослуживцы добрым словом поминали командира, крылья отборным матом снайпершу и всю Чечню.

В небе появилась луна, которая одинаково светила всем, не деля врагов на черных и белых. На русских и чеченцев. Никто не знал сколько будет продолжаться война и гибнуть люди. Свои и чужие. Чужие и свои. Граждане одной страны.

Генрих Засекин. Сибирский торг. Литография.

Фото А. Валова.

«Гремит торжественно орган...»

Позиция

Мои стихи — мое спасенье
От равнодушия, смиренья
Перед враждой и суетой.
Мои стихи, идите в бой.
Мои стихи — мое паренье,
Мое духовное боренье.
Бываю нищ, бываю слаб,
Но не ужился в сердце раб.
Знай, человек, твое спасенье —
В дороге самовосхожденья.

Первые поэты

Другу, поэту Микулю Шульгину
Почему березы плакали
В тот соборный шумный день?
Может быть, они как знахари,
Нам вещали —
Быть беде?
В край отеческий из Питера
Я вернулся при стихах.
Для поэтов, местных жителей,
Был звездой в небесах.
Повстречались мы в обители —
Комнатушка в пять шагов.
Как ведется, славно вытили
И пьянели от стихов
Мы до первых петухов.
Среди юных колоритные,
Набирающие лёт,
Были здесь поэты видные
Тот солдат,
Другой пилот.
Вот Попов, поэт отчаянный, —
Орден-то нацепил! —
Будучи в атаке раненым,
Танк гранатой подбил.
Асом был Матвей Корепанов,
Нынче он — поэт Оби:
«На реке муксуньей ветрено,
Парус волею крепил...»
У Калабина певучие
Строки просятся в полет:
«Мысли — звездочки летучие
Обгоняют самолет...»
Эх, родной Микуль Иванович,
Нас на мушкетера взяло зло! —
И наветами поранило,
И в бураны завело...
Пели песни мы застольные
В шестьдесят втором году.
Мы стихи читали вольные,
Чуя лихо на веку.
Разлетелись мы под ветрами
Бурь житейских —
Кто куда...
Ты живи со мной, расцветная,
Спирок начальных красота.

Мелодия августа

Фиолетовый клевер
медов.
Почему-то боится
он темени,
И поэтому ночью готов
Раствориться
в движении времени.
Хочет звуками
иволги стать
И звучать серебристо
с березоньки,
И не станет
прохожих пинать
Стебелек ароматный
и тоненький.
Августовская ночь темна,
Словно омут бездонный, пугающий.
Осветила с улыбкой луна
Фиолетовый клевер мерцающий.
Я нагнулся, погладил его,
Дрожь цветка под рукою растаяла.
Он вздохнул облегченно, легко,
Будто ветка проснулась усталая.
Эта ночь улыбается мне,
Словно друг долгожданный,
приветливый.
Я сегодня увижу во сне
Возле ивы цветков фиолетовый.

Море

Поэту, другу Виктору Жорнику
Сырой песок медузой пахнет,
А волны тучей грозовой.
Я, как матрос, и я на вахте,
Слежу, стихия, за тобой.
В душе растет дух удивления
От бесконечности твоей.
В тебе есть сила притяженья
Небесной воли посильней.

Поющие молнии

В грозу родился в небе Храм
Дождя, ветров и грома.
Гремит торжественно орган
Над мокрой крышей дома.
Небесный Храм —
Он на горе,
Мой дом у кручи старой.
Храм в розоватом серебре —
Поющих молний кара.
Не спит преступник и ханжа,
И властелин крамольный.
Дрожит, дрожит его душа
От грозных песен молний.
Вершите суд свой, небеса,
По воле божьей всяду!

За это, веющая гроза,
Тебе молиться буду.

Белая ночь

Ночь, как сон и волшебный, и давний,
Ночь, как чайка над Обью, бела.
И на время прозревшие камни
Плачут на косогоре села.
Это им от небес подаренье —
Увидать на мгновенье окрест
Родников золотое свечение
И молочно-оранжевый лес.
Видят в белых одеждах влюбленных,
Словно тающих в белом дыму.
Все сейчас для счастливых,
смятенных,
И остаться нельзя одному.
Не спеши огнекрылое утро.
На дорогу свою не зови.
Эта ночь, это белое чудо —
Облик первой далекой любви.

Усталые лебеди

Другу, поэту Николаю Денисову
Уехали охотники мои,
Оставив мне и озеро, и остров.
И — лебеди!
Как белые ладьи,
Плывут, незримы их тугие весла.
Усталые, они плывут ко мне,
Себя считая редкими гостями.
Но строг вожак.
Порою по волне,
Как бы взлетая,
сильно бьет крылами.
Они мне верят —
я не трону их,
Им нужен отдых для полета к югу.
Навстречу им летит
мой белый стих, —
Спасибо,
Вы во мне признали друга.

Чертовщина

Рассказ

Сергей
Луцкий

Конечно, над этим случаем можно было посмеяться. Деревенские мужики так и делают. Ситуация всем понятна, поддали Игрунов с Федунем на посту, им всякая хренотень и стала мерещиться!.. А что ни один, ни другой особой дружбы со змием не водят и уж тем более до белой горячки никогда не допивались, это наших мужиков не колышет. «Посиди на посту две недели, не хочешь, а потянет расслабиться, — рассуждают они. — Кто меру знает, хорошо. А кто нет, у того и глюки начнутся».

Одним словом, Игрунову и Федуну никто в деревне не верит. Они особенно и не стараются свое доказать. Федун недавно из зоны, до сих пор исподлобья на всех смотрит и желваки катает. Такой вступать в лишние разговоры считает западло. Игрунов тоже помалкивает. О неграх с острыми головами, которые из-под земли выскакивают, рассказал Гошка-шаман. А к нему какое доверие? Вот кто бухает не просыхая! В любой час дня и ночи к нему можно прийти с бутылкой, Гошка всех принимает с радостью.

Лично меня эта история заинтересовала вот почему. Уж очень она совпала с кое-какими мыслями насчет нашего края, гремевшего раньше на всю страну, а теперь тихо доживающему. У меня перед глазами прямо-таки стоит такая картина. Затянутое рыской озеро, а в него вдруг падает здоровенный камень. Заколыхались водоросли, разбежались в стороны водомеры, метнулись мальки и другая озерная живность. Но вот успокоилось все, опять затянуло рыской место, где упал камень, вернулись водомеры и рыбешки. Опять пошла жизнь, которая была в этом озере испокон веку...

В общем, мне очень хотелось узнать, что у Игрунова и Федуну случилось на их посту. С Федунем дело глухо, не расскажет, а вот на Саню Игрунова я надеялся. Он мужик нормальный, если с подходом, расколоть можно.

Как-то в феврале дней пять мороз стоял под сорок. Колонка замерзла, и люди ходили к нам в котельную за водой. Игрунов пришел тоже. Слово за слово, я его позвал в операторскую, заварил чай, стал спрашивать, по-

чем купил новые гусянки для своего «Бурана» и все такое. Потом перевел разговор на недавний случай, когда одна наша старушка отказалась жить в своем балке. Он у нее стоял на отшибе, у самого леса. Старушка жаловалась, что ей то ли черти, то ли пришельцы стали являться. Дело кончилось тем, что старушке дали комнату в заброшенном общежитии нефтяников. Все ближе к людям. В свой балок старушка возвращаться категорически отказалась — боюсь, мол.

— А что, я ей верю. Почему люди думают, что ничего такого не бывает?.. Ученые говорят, есть параллельные миры, которые пересекаются с нашим. В точке пересечения и случается всякая чертовщина.

Я говорил все это, а сам посматривал на Игрунова. Ключет или нет?.. Видно, у мужика и у самого накипело, а может, чай мой располгал к доверительности. Короче, забыл Саня о фляге с водой, что в котельной набрал, и стал рассказывать.

Недели две назад ему позвонил Федун. Саня в тот день дотемна ставил под лед сети, замерзая и потому на телефон посмотрел недовольно. «Тряпочкин в деревне! — рявкнул по телефону напарник. — У Шамана оттягивается. Говорил я тебе, не давай ему денег, подставит!..»

Федун был злой и, в общем-то, по делу. Только вчера они отвезли нашего деревенского бича Тряпочкина на пост, чтобы сидел вместо них и в положенное время выходил на связь с диспетчером. А тот, оказывается, вернулся обратно. Получилось, на посту теперь никого нет. За такие дела Саню с Федунем могли уволить. Сейчас это запросто, кругом сокращения.

«Я к Гошке-шаману, — сказал Саня жене. — Тряпочкин у него пьет. Пойду шугану, пусть обратно возвращается». Жена хлопнула себя по ляжкам: «Вот козел!..» Они в тот вечер собирались пораньше лечь, все-таки не виделись больше недели и от воздержания у обоих челюсти сводило. Сане было досадно, но он все же удивился. С чего это Тряпочкину не сидится на посту? Дома у него шаром покати, а они с Федунем ему рюкзак продуктов оставили. Неужели пятьдесят рублей торопится пропить?..

Когда Игрунов шел к Гошке-шаману, он думал, что Тряпочкин сразу начнет извиняться. А тот посмотрел как на пустое место. Это Саню больше всего задело. «Не понял! — сказал он. — Ты где должен быть?!» Тряпочкин вдруг сполз с табурета и стукнул о пол коленками. «Не пойду я туда!.. Полтинник я тебе отработаю, огород тебе по-

сажу, картошку окучу, только не посылай!..» Сане даже неловко стало. Все-таки пожилой мужик, а на коленях. «Э, сломался, — подал голос Гошка-шаман. Он уже был порядком пьяный. — Слабый ты, Тряпицын!.. Это не черти, это наши боги пришли. Раньше вы их прогоняли, теперь они вас прогонять будут!.. Ты, Тряпицын, кто такой? Ты, Тряпицын, ЛЭП тянул, у сейсмиков работал — богов пугал, жить спокойно не давал. Теперь они...»

Игрунов на Гошкину болтовню внимания не обращал. «Ты нас с Федунем подставляешь, понял? С работы турнут». Тряпочкин опять запричитал: «Не пойду, не заставлю!.. Боюсь я. Меня водка не берет!..» Бесполезно разговаривать. Саня от досады плюнул и хлопнул дверью Гошкиной избушки. Звезданулса мужик!.. Делать однако нечего, ему или Федуну надо срочно ехать на пост.

С Федунем тоже проблема. Когда он узнал, что Тряпочкин возвращаться на пост не хочет, глаза у него стали бешеными. «Уделаю гада! — Федун сорвал с вешалки куртку, чтобы идти разбираться. — Он у меня дерьмо будет хавать!..» Саня едва уговорил, чтобы Федун не горячился, а сел на «Буран» и ехал на пост. Завтра он его сменил, только сети с утра проверит.

На следующий день все еще непонятней стало. Часов в девять Игрунов услышал, как возле дома остановился «Буран». Жены уже не было, довольно напевая, она час назад ушла в школу, где работала техничкой. Расслабленному Сане вставать не хотелось, но он все же приподнялся и посмотрел в окно. Снегоход был Федун. Сам Федун сидел на нем прямой как столб и не двигался. «Ты чего? На посту был?» — сказал Саня, по-быстрому одевшись и выйдя на крыльцо.

Федун помял пятерней красное от мороза лицо и посмотрел на него задумчиво. «Понимаешь, здоровая такая жаба. И какие-то люди с острыми головами. Я стреляю, а им хоть бы хрен. «Буран» нефтью измазали». — «Ты про пост, что ли?» — «В натуре, не думал, что такое может быть. — Федун вопроса будто не слышал. — Главное, картечь не берет. Ни жабу, ни тех с острыми головами».

Саня молча постоял. Похоже, на посту и в самом деле что-то происходило. Федун просто так не проймешь, повидел мужик на зоне всякого. «Может, показалось?» — на всякий случай спросил он. Хренотень какая-то. Скажи диспетчеру, в конторе точно решат, что на посту перепились. «Тоже показалось? — Федун мотнул подбородком на залитый нефтью капот «Бурана». —

Где только ее взяли? Нефть давно вокруг выкачали... Знаешь, что интересно? По-хантыйски говорят».

— И тут, понимаешь, меня будто током шибануло! Вспомнил, как перед этим Гошка-шаман насчет их богов что-то такое говорил. Ты не думай, я в это особо не верю, но как-то все одно к другому...

Игрунов внимательно посмотрел на меня. Он будто ждал, не усмехнусь ли я. Даже кружку с чаем в сторону отставил, так ему важно было, как я себя поведу. А как я мог себя вести, если мне интересно и я смысл в этом чувствовал?.. Игрунов успокоился.

— Так вот. Федуну говорю, давай, мол, к Шаману. Делать что-то надо!.. Шаман, понятно, еще спал. Возле печки на телогрейке кемарил Тряпочкин. Ну и запах соответственный, всю ночь они пили. Я Шамана толкаю: «Похмелиться хочешь?» Ему два раза повторить не надо. «Почему бы и нет?» — говорит. Настроение у меня не то было, но я даже засмеялся. С Гошкой мы учились в одном классе, он всегда был прикольный. Мать его с кем-то из нефтяников прижила, но Гошка считал себя чистокровным хантом. Ходил в малице, не стригся и даже смастерил себе бубен по рисунку из книжки, чтобы шаманить. У него и кликуха поэтому такая. «Короча, — говорю, — бери с собой бубен и поехали». — «Куда?» — «Где наливают».

Дорогу на наш пост ты знаешь. Там еще несколько законсервированных кустов с качалками встречается. Сейчас кусты снегом занесло, смотреть тоскливо. Пару лет назад все по-другому было, все работало... Ладно, едем. Впереди Федун газует, у него ружье за спиной расчехленное. У меня на заднем сиденье Шаман с бубном... Кто бы посмотрел со стороны — цирка не надо, сбрендил мужики! В таком виде на пост!..

Наш вагончик мне еще издали не понравился. В чем дело, сказать не могу, но увидел и чувствую — вражда какая-то от него. Нормально, да? Дежурю шестой год, он мне родным стал, а такое. Ближе к посту подъехали — японский бог! Будто Мамай прошел!.. Стекла в вагончике побиты, стены облиты нефтью, все ценное оборудование с кустов, которое мы с Федеуном должны охранять, разбросано. А это тонны веса!.. Федун ружье снимает и как саданет с обоих стволов в воздух. «Ты чего?» — «Они шума боятся».

У меня сомнений уже нет. Люди такого не могли сделать. Пост в глухом урмане и подъездов для техники никаких. «Давай, — говорю Гошке, — щугани злых духов или как там у вас их называют. Ты по этой части, вроде, спец». Шаман неторопливо с «Бурана» слез, обошел наш вагончик и головой покачал. «Однако, тяжелый случай, — солидно так говорит. — Люди Ным-ху

приходили из Нижнего мира. Большая сила требуется, чтобы их прогнать. Подкрепиться, однако, надо». И по горлу себя щелкнул. Никогда у него акцента не было и «однако» не говорил, а тут вдруг прорезалось. «Ты без базара!.. — заиграл желваками Федун. Гошка быстро сориентировался. «Все понял. Костер раскладывайте, бубен буду греть».

Пока костер разгорался, я заглянул в вагончик. Здесь разор еще хуже. Очень надо быть на людей злым, чтобы такое устроить. Слышу, Гошка начинает бить в бубен. Выглядываю в разбитое окно, он топчется вокруг костра и стучит по бубну колотушкой. Серьезный такой, капюшон малицы с головы откинут, длинные волосы развеваются, и что-то Гошка напевает по-хантыйски. Вот не думал, что он язык знает! Смотрю, понемногу заводится, все сильнее в бубен лупит, прыгать стал и выкрикивает какие-то слова.

Что интересно, мне смотреть на это совсем не смешно. Наоборот, мурашки пошли по телу. А дальше еще чуднее. Два какие-то ханта вдруг из леса выскакивают и — к Гошке. Похожий друг на друга как близнецы, в одинаковых длинных рубахах с орнаментом и делают все одинаково. Присядут вместе, встанут, как по команде, зубы щерят.

Смотрю — ни хрена себе! — они привязаны друг к другу ремнем. «Этих еще не было, — шепчет Федун. Он, оказывается, уже рядом со мной и бледный, как стенка. — А эту падлу видел». Из-за навеса с оборудованием ползла на полусогнутых здоровенная лягушка, с наш вагончик величиной. Горло у нее раздутое, как пуховая подушка, глаза красным светятся. Лягушка как прыгнет, задними лапами навес снесла и оказалась рядом с Гошкой. А там кругом двух привязанных друг к другу придурков уже какой-то дед в черном и с головой, похожей на колун острием вверх. Хватает Шамана за ноги и пробует повалить на снег. Ему маленькие с черными лицами помогают, штук десять. А рядом старуха с седыми космами плачет, вся трясется, кулаки сжаты — неизвестно, кого жалеет. То ли Гошку, которому вот-вот кранты, то ли эту нечисть.

«Ну, я вас!..» — закричал Федун и ружье вскинул. Он дикий какой-то стал. «Гошку не задень!» Громыкнуло так, что остатки стекол в вагончике посыпались. Всю нечисть будто ветром снесло. Одна старуха осталась, от плача трясется. Смотрю — нет, не старуха, а чакхля сосенка на ветру дрожит...

«Говорил, сил много надо. Просто так их не возьмешь. — Это Гошка появился в вагончике. Едва живой остался, а вида не подает, что испугался. — Считайте, Ным-ху, Анки-пугас, их слуги...» — «Откуда знаешь?» — «В книжках читал, однако. Как насчет

опохмелки? Обещал. Я что, зря рисковал жизнью?..» Пришлось налить. Я всегда с собой бутылку в «Буране» под сиденьем вожу. Мало ли какой случай...

Мазута в морозы мы не жалеем. Пламя в котлах гудело так, что в операторской, где мы с Саней Игруновым чаевичали, ложечки в кружках брнчали.

— На этом кончилось? — спросил я у Сани.

— Какое там. Гошка слабый шаман оказался. Сам понимаешь, самоучка... Нам вертолет помог.

— Вертолет?

— Ну. За всей этой ерундой про связь с диспетчером мы забыли. В конторе всполошились. МИ-2 послали, оборудование на посту все-таки ценное... Вертолет в самое время появился. После того, как Федун стал стрелять, нечисть исчезла, но ненадолго. Минут через десять опять вагончик окружила. Федун саданет дуплетом, они разбегутся, какое-то время пройдет, опять здесь. Весь запас Федун просадил. А вертолет как затарахтел, вся свора смылась. Если бы не он, не знаю...

— С началом, наверно, пришлось объясняться?

Игрунов поморщился.

— Не напоминай... Но мы не лохи, не стали все рассказывать, а то бы точно уволили. Или в дурдом... — Он поднялся, скучно осматрелся, скользнул глазами по столу с пустыми кружками. На меня Саня старался не смотреть. Я понял, он уже жалеет, что разоткровенничался. Случай-то, действительно, странный...

Проводил я его до выхода из котельной. А тут и Гошка-шаман по улице идет с рюкзаком и лыжами-подволоками на плече.

— Здорово! Ты куда в такой мороз? Гошка значительно посмотрел на нас.

— На стойпище, отнахо, иту. Олешек пасти пугу, пелок стрелять... Слышали, на еще отин пост наши похи прихотили? — Гошка достал длинную медную трубку, которую я отродясь у него не видел, и принялся набивать табаком из кисета.

Выглядел он, надо сказать, экзотично. Просторная малица, заиндевевшие длинные волосы, эта старинная трубка... Еще акцент, которого у него никогда не было.

Порисоваться Гошка, конечно, любит, это за ним водится. Но у меня перед глазами опять вдруг прежняя картинка возникла. Разбежались по озеру круги, поколыхались и успокоились водоросли, опять затянуло ряской место, где упал камень...

Прежняя тишина и неподвижность. Лишь снуют у поверхности пугливые мальки и суетятся водомеры. Как сто, как тысячу лет назад.

Как испокон веку в озере было.

г. Нижневартовск.

Дышү, живү — пока люблю...

Елена Храпова

* * *

В крушеньи гроз, на взлете горя
Пою триумф любви земной!
Пусть горы канут в бездну моря,
Пусть все сгорит, но ты — со мной!
Пред тем и перед этим светом
Не преклонюсь, не отступлю,
Слиянье душ ничьим наветам
Не дам развязать, пока люблю.
Пока люблю — во мне власть Феба,
Дышу, живу — пока люблю.
Не бойся ни людей, ни неба,
А лишь того, что разлюблю...

* * *

Ласковый, но чужой
Играет моей душой,
Играет наверха,
Усмешка его горька.
Ему там, в его дому
Тяжко жить самому.
И шепчет он, как в бреду:
«Уйду от нее, уйду».
Но знает сам — не уйдет.
И мечется он, и лжет,
Как тень между двух огней,
Из рук моих — прямо к ней...

* * *

Ангел мой, ангел мой, ты устал
За меня с моим демоном биться.
И его ненасытный оскал
Нависает. И негде укрыться...
За стеклом хрустала перезвон
От его похотливого смеха.
Плачу ль я, иль глушу в себе стон —
Все забава ему и потеха.
Ангел мой, чистый мой, я грешна,
Предавала тебя, демон знает.
Тянет вниз, словно камень, вина,
К бездне, к демону ближе толкает.

* * *

Ночные страхи расплзаются все шире,
И кто-то хлопает дверьми
в пустой квартире,
И тень крадется по стене
зловеще, странно,
И вдруг закапала вода
сквозь прорезь крана,
И лунный отблеск в зеркалах
тревожно вьется,
И чей-то взор следит за мной
из лунных пятен.
Мой бред сгустился за стеклом
реальной тенью,
И я не верю ничьему опроверженью.
Вот проступает мир чужой —
недобрый, грозный...
А раньше ночью
замечала только звезды...

г. Мегион

Яна-Мария

Курмангалина

* * *

В городе из тумана,
В сердце родной России,
Миром дано мне — Яна,
Богом дано — Мария.

В дрожи меня взрастили,
В слезы меня одели.
Вот отчего, Россия,
Боль моя на пределе!
В сомне противоречий
Жизнь за чертой разрухи;
Тонкие крестят плечи
Набожные старухи.
Боже! За что дано мне
Бледные видеть лица!..
...В шумном ночном притоне
Властвует дьяволица.

* * *

Дым священного ладана...
Никуда не спешу...
Слишком многое надо мне,
Слишком мало прошу.
Жизнь — всего лишь мгновение,
Душу не отогреть...
Растерев оперение,
Не успела взлететь.
Только все переменчиво —
От небес до тюрьмы...
Я печальная женщина
Белолицей зимы.

г. Белоярский

Татьяна Юргенсон

* * *

Несет река пустыне сны,
И скользкий пляж совсем угрюм,
Все тянутся теней хлысты
Тропой, идущей в полынью.
Лед стал уж матово тяжел,
И скрип не слышен от саней
По снегу, что как страх сошел
С уставших спячкою полей.
Насквозь пропитан влагой мир,
И сей бокал бездонно полн,
Но улыбается факир,
Скрыв за улыбкой силу волн.
Бред облетает тонкий мир,
Нарушив призрачный покой,
И всколыхнувшийся Зефир
Рассудок помрачает мой.
Летит фантазии крыло.
И вот уж новый явлен свет —
Где пахнет розой помело,
А чернобильником букет.
Но там дороги все бегут
Туда, куда дороги нет,
И там находится притом
Тому, кому приюта нет.

г. Мегион

Любовь Цонева

* * *

Ну, подумаешь — звездная россыпь?
Даже голову не подниму.
Не нужны мне жемчужные росы.
Я спряхну их. А травы приму.
Красотой своей лес не дурманит.
Холод. В листьях — зимы кружева...
Без тебя все цветы на поляне —
Сенокосная просто трава.

* * *

Погляди на летящую стаю.
Вместе с птицами я улетаю.
А тебя на земле оставляю.
В нежитье-небытье исчезаю
В суть не веря: ни ада, ни рая.
Если вновь пролетать будет стая,
С тихой грустью ее провожая,
Помолчи, обо мне вспоминая.

* * *

С трепетом книги беру по порядку,
Словно не книга в руке, а звезда,
Тайна за тайной. Разгадка к разгадке.
Чья-то любовь. Или чья-то беда.
Слов лепестки, вот, и я подобрала.
Как я лелеяла их, берегла?!
Строчки-цветочки в пучочки вязала,
Времени лентой вокруг обвила.
Жизни страницы обратно листаю.
Пятна. Ошибки. Обрывки. Клочки.
Осень моя, вместе мы увядаем.
Щедрой порошею — снег на виски.

г. Советский

Из фотолетописи земли Югорской

Поэты и герои-нефтяники.

Фото Николая Кочнева

Наступление самоедов продолжается.

Фото Ивана Сапожкова

Любовь Миляева

Бабье лето

Рябина — новобрачная
женщина за тридцать
Рассыпает косы до земли.
Сочны шелесты,
стыдливо-зрелы краски —
Ждет наряд венчания — Зимы.

Память

Помню — детский вихор
треплет папы рука...
Память — на языке
Стынь родника!..

Рогом месяц
торчит за пузатой копной...
Крикну! — Эхом кричит —
Детство в хате пустой...
* * *

Моя трагедия равна кровопролитию! —
Он был романтиком, а стал —
политиком.

Ромашки кончились.
Прощай, мой «май!» —
Так и разрушился семейный рай...
* * *

Ты ж пошто, милоч, невестою зовешь? —
Побасенки мне поленницей кладезь.
Волочишься, точно косарь за косой.
Хахалишься, словно кот над колбасой.
Мне уж шагу и не сделать за порог —

Обсудили бабы вдоль и поперек.
Ушло шныркают по улице и зрят...
Как белье, «перемывают» всю подряд.
Обищучукали сплетнями каждый гвоздь —
Точно птички, облепили сладку гроздь!...
Привечала, целовала бы тебя,
Смачну ягодку вкладала бы в уста... —
Только карие, милоч, твои глаза. —
Любы ж синие мне глазки — бирюза.

* * *

Это не я, Отче! —
Это пародия на меня.
Рыжей волчицей тощей
жрет свой кусок в стае...
Не я смеюсь это, Отче! —
Я рыдаю.

* * *

«Внёрился точно в пуп»
медведицы кови вебрь.
Вклеяса между звезд
остроконечный серп.
Замерла зыбь в пруду.
Ухо восприт заря.
Мимо серпа к ковшу
лебедем шла душа...
Блэкнет на небе звездь.
Крылья волнят едва,
ясная чистосветь
льетса из-под пера...
К чаше ковши взойдет,
взглядом проникнет пруд —
гладь встрепенется в рябь,
звезды собьются в круг.

Точно во глянец пруда
лебедь-душа нырнет —
крылья потонут в кови...
Охнет небесный свод.
Меж пожелтевших трав
шепот змеей... к земле:
«Видно, ушла к Нему...»,
Отстрадалась, видать, уже...»

* * *

Там где высунет язык солнце на заре,
сплетница-трава приклонит голову,
там задиристый кузнечик

искутается в росе,

Самой пыжистой купавке целкнует по лбу.

*

* Владимир Мазин

Смышленная дочь

(Сказка ваховских ханты)

Причитает старый отец. Слезы льет немолодая мать. Выспросила дочь у родителей причину горьких утренних стонов. Пошла Смышленная к своим куклам, помолилась. А потом родителей утешила способом обмануть похотливого лесного старика, отвести недоброго Севсики от родового угодья.

Не расскажем мы пока о том, что дочь придумала. Сами поймете. А только вдруг отец Смышленной повеселел. Мать пешню русскую нашла в старом сундуке. Железную палку для пробивания проруби в летнее время всегда прятали в сундуке. А теперь понадобилась в теплую пору. Стали дочь с матерью огонь разводять. Отец к озеру пошел. Встретил он на условленном месте Севсики. А захмелевший от мухоморной настойки лесной старик спрашивает:

— Согласен ли ты отдать мне свою дочь? Согласна ли она быть моей послушной женой?

— Не беспокойся, Севсики, женщины ждут тебя. Они хотят, чтобы все было по нашим правилам сделано. Свататься ты должен. Подойдешь к нашему летнему чуму, повернешься спиной ко входу и попятышься навстречу невесте...

— Как это навстречу я пятиться буду? Что это за правила такие? Я же не увижу свою суженую...

— Она сама тебя обнимет. А пятиться нетрудно, если хочешь хантыйскую красавицу в жены взять.

Быстро шел к родному жилищу отец, не отставал от него Севсики. Никто не

далеко, в таежном отдалении это было. Так давно, что забылись имена мужа и жены, которые жили у самого рыбного озера. Одни жили и дочь росли. У дочери, наверно, другое имя было, да забылось. А народная память разнесла по берегам то имя, каким мы ее называем, — Смышленная.

Однажды отец долго не возвращался с рыбалки. Он нередко брал с собой охотничий лук. Оттого жена подумала, что мужу не повезло на рыбалке, и отправился он охотиться за дичью. Красавица Смышленная тоже отца поджидала. Любила дочь отцовские рассказы послушать о духах лесных, речных и озерных.

Поздно отец возвратился. Улов богатый принес, а не радуется. Грустное лицо его всю ночь трубка раскаленным табаком освещала. На утро отец не выдержал и рассказал жене о печали своей.

— Встретился мне тот, кто хочет лишить нас дочери любимой. Лесной старик Севсики надумал взять Смышленную в жены. А характер у старика недобрый, а теплой избы у него нет, а лицом он страшен, а женщин он сгубил немало...

Навсегда с Самоотлором

Как вообще рождаются писатели? Почему так много выходит их из сельской глубинки, из простых семей безответных наших кормильцев-крестьян? Вот и Николай Павлович Смирнов родился в такой семье. Смирновы перебрались в Сибирь из России благодаря столыпинской реформе. Предки Николая Павловича с другими выходцами из «Росей» основали деревню Иска на столбовом Сибирском тракте недалеко от Тюмени...

Николаю повезло — рос с отцом. Из ребят двух первых классов, с которыми начинал он учебу, окончили десятилетку только трое, и он в их числе. Не слабые способности ребят были тому причиной, а нищета послевоенной деревни. Сироты войны рано начинали зарабатывать себе на хлеб насущный. Так целое поколение сельских детей отлучалось от образования. Смирнов-отец своих выучил, все приговаривал: «Учитесь, пока я живой».

Николай учился, не особо тяготел к точным наукам, зато сочинения писал блестяще, даже старших сестер выручал — писал за них. Источником знаний помимо школы была в деревне библиотека. Что еще кроме запойного чтения допоздна при керосиновой лампе могло пробудить в деревенском мальчишке мечту о писательском труде? Сочинения М. Горького, Д. Лондона, каждый из которых воспевал романтику и людей труда, остались любимыми на всю жизнь.

В пятом классе сочинил Коля первую повесть о деревенской жизни. Вспоминает сегодня об этом с улыбкой.

С раннего детства сельские дети вовлечены в тяжелый крестьянский труд. Закалка, полученная на пашнях и сенокосах родной деревни, помогала ему потом и лес валить на строительстве железной дороги, и нефтепроводы прокладывать в самоотлорских болотах. Но это все было впереди, а пока, после окончания школы, разузнав, что ближайший факультет журналистики находится в Свердловске, попытался Николай поступить туда. Конкурс был как сейчас на менеджера. Не растерявшись от неудачи, нашел Николай квартиру и устроился слесарем на оборонный завод.

Два года печатался в заводской многотиражке, давал материалы на целые газетные полосы — стихи, басни, очерки и учился на подготовительных курсах университета. Такая генеральная подготовка дала результаты в дальнейшем. В годы учебы писал рассказы о деревне и природе в факультетскую стенгазету и университетскую многотиражку. Чтобы материально поддержать себя, брал академический отпуск и работал в сельской районной газете в родных краях. Но от курса не отстал, сдал экзамены экстерном.

Еще студентом Николай Смирнов стал членом Союза журналистов, а в 1964 году в Средне-Уральском книжном издательстве вышел его первый сборник рассказов «Маки в сердце».

При распределении молодой журналист выбрал Тюмень. Работал корреспондентом газеты «Тюменский комсомолец», на местном радио. Активно сотрудничал в областной писательской организации, которую только что создал человек неукротимой энергии и работоспособности — писатель Константин Лагунов.

Но что-то не удовлетворяло Николая Смирнова в этой, казалось бы интересной жизни, возможно, то была оторванность, отстраненность от непосредственного участия в громких стройках страны. А большая стройка кипела рядом — железная дорога Тюмень—Сургут. Хорошим агитатором оказался и кинофильм «Таежный десант». И вот Николай Павлович сменил перо журналиста на топор лесоруба и в составе бригады отправился по таежному бездорожью на легком артиллерийском тягаче рубить просеку для будущей трассы...

...Запомнилось преодоление Еланского болота, шириной около шести километров. А когда началась сборка звеньев дороги из готовых плетей, то трудились сутками, торопили первый поезд Тюмень—Тобольск, почетным пассажиром которого был и Николай Смирнов. До известной сейчас железнодорожной станции Салым, куда, как в песне пелось, «только самолетом можно долететь», дошли по тайге и болотам, протянули стальные нити. На Салыме создал неугомонный Николай Павлович литературное объединение «Магистраль», собрал пишущую братию из числа самих строителей — прозаиков и поэтов. Выступили со своими произведениями по телевидению, в строительной многотиражке. В 1969 году вышла книга «Сквозь тайгу». Написанная в походных условиях, урывками, ночами, она была посвящена товарищам по труду, создателям дороги.

Пока тянули рельсы до Сургута, заремела в полную силу слава Самоотлора, и дорогу решили продолжить до Нижневартовска. Далее — на Новый Уренгой, Ямал. Короче говоря, дороге, которую начинали возле Тюмени, не виделось конца.

Большая нефть Самоотлора! Разве мог человек, никогда не живущий вполнакала, остаться в стороне? В 1972 году Смирнов устроился в УБР-2 слесарем-превенторщиком. Месторождения осваивались невиданными темпами. Бывало, при монтаже трубопроводов перетаскивали за смену на своих плечах тонны железа. Снова болота, тайга, неуют...

Это я уже домысливаю, Смирнов об этом не вспоминает. Главное, что писать он может в любых условиях — и при свете факелов, и в белесом сумраке белых ночей, в вагончике и у костра. Сколько судеб вокруг, какие труженики! Успеть бы рассказать стране о большой нефти, о романтиках, создававшим своим ежедневным самоотверженным трудом, делящимся уже десятилетия, легенду Самоотлора и других месторождений. О многих из них рассказано в очерках, напечатанных в книгах «Тысяча шагов к Самоотлору», «Оптимальный вариант», «Было на Самоотлоре», «Глубинные горизонты!». Герои очерков — известные буровики, строители, нефтяники, товарищи писателя по труду Я. Ягофа-

ров, А. Шахшин, Г. Петров, Г. Левин и многие другие. Все это время Смирнов не прекращает сотрудничество с газетами, боясь упустить новое и важное в текучке жизни. Всех известных сейчас нефтяников региона знает Николай Павлович с молодых лет, с самого начала их деятельности на Самоотлоре.

...Николай Павлович человек одержимый. Какая-то доля самолюбия и соревновательности есть в его одержимости. Но не это главное. Человек самолюбивый любит покрасоваться и со своей персоной обходится любовно. Я же не знаю человека более непосредственного, чем Николай Павлович. Меньше всего заботит его впечатление, какое он производит. Худощавый, хмурый, скромно одетый, постоянно дымящийся папирсой, Смирнов одержим своим творческим трудом. Он вполне мог бы сказать о себе словами Маяковского: «Мне и рубля не накопили строчки». В нашем оплоумевшем от денег мире полное отсутствие меркантильности — верный признак личности неординарной. На пашне, сенокосе, нефтепромыслах, за пишущей машинкой или за мольбертом такие люди наслаждаются своей работой и, рано или поздно добиваются успехов.

В активе Николая Павловича порядка двадцати документальных и художественных книг, песни, поэмы, сказки. В столе у писателя много рукописей, составляющих цель и радость бытия. Сборник рассказов и новелл «Золотая корона» о родной деревне Смирнов считает своим программным трудом, им он занимается всю свою творческую жизнь. Но нет полной уверенности, что успеет завершить его. Слишком много материала, слишком о многом хочется рассказать...

Испытания, раздумья сделали мягче и характер, и сердце писателя. Есть у него прекрасные лирические стихи, посвященные женщине. А двое детей — Максим и Лена — постоянно в душе и мыслях Николая Павловича. Дочь даже оформляет своими рисунками папины книжки.

Николай Павлович все свое время отдает литературе. Быт свел до минимума. «Ем для того, чтобы поддержать двигатель-моторную функцию», — шутит он.

Цель писателя — живописать людей труда. Конечно, можно дать волю воображению и сочинять романы о выдуманных героях и судьбах. Николай Павлович считает своим долгом поведать людям о живых невыдуманных героях, о том, как прекрасны их судьбы, как благороден и почетен их труд. «Я каждой клеткой впитываю жизнь и возвращаю ее печатными строками. Несколько страниц на машинке — моя ежедневная норма», — говорит писатель.

Розалия Кострулина,
корреспондент журнала «Нефтяник».
г. Нижневартовск,

Мария Вагатова

Сердце матери

Как деревья одевались б
неуемною листвою?
Как цветы бы распускались
долгожданною весной? —
если бы, у жизнестойких,
не было у них корней,
если бы, у нас с тобою
не было Земли моей!
Смотрит ласковое солнце
с исполинской высоты,
взгляд его исполнен щедрой,
небывалой теплоты.
Не было б детей на свете,
на большой Земле моей,
если б не было на свете
незабвенных матерей.
Сердце матери!
Скажите,
в чем его простой секрет? —
столько в нем тепла! —
у солнца
и десятой доли нет.
Красный свет светлей и краше —
кровью красной матерей,
не с чем сравнивать на свете
сердце матери моей:
коль с дорогой — то дорога
бесконечно широка,
если с силой — сила эта
необъятно велика.
Коль с ценой — то нет дороже
той цены на всей Земле,
если с честью, без корысти, —
не найти и слова мне.
Ну, а коль с ценою жизни
сердце матери сравню,
то достоинства и чести
сердца я не уроню.
В него старость не заходит,
в нем упрёка не найти,
и усталости в то сердце
пусть заказан.

Нет пути!

В нем — мы первое дыхание,
долгожданные, берем,
открывая в жизнь двери
незабвенно белым днем.
Сердце матери!
Достойно,
в счастье — жить оно велит.
Сердце матери!
Ты — совесть,
и моя, и всей Земли!

Перевод с языка ханты
Николая Шамсутдинова.

Е. П. Каргаполов, профессор

Всех людей мы называем — ханты...

О творчестве поэта Владимира Волдина

В центре творчества Владимира Волдина стоит проблема Человека, рассматриваемая им с позиций взаимоотношений своего и других народов, с природой его окружающей; проблема жизни Человека в суровых условиях Севера с ее сложностями, неожиданностями и противоречиями, с прошлым и настоящим. Он любит Человека, его жизнь, труд, свободу. Поэт пытается понять Человека в связи с другими людьми, через его связи и отношения с миром. На Севере в формировании общества есть свои особенности. На них накладывает отпечаток суровый климат, тайга, лес, болота, отдаленность мест проживания, своеобразный кодекс отношений между родами, людьми в тайге. Правильно говорит Николай Бердяев, что «Человек есть в высочайшей степени историческое существо». И это чувствуешь, когда читаешь стихи В. Волдина. Он возвышает Человека. Для него ханты — есть Человек. Ханты — это и русский, и ненец, и узбек. Кто является Человеком, тот является и ханты. У поэта нет различия в этих понятиях. Слово ханты переводится как «человек». Поэт призывает дорожить этим словом, не пользоваться им бесполово, без всякой надобности.

Всех людей мы называем —
Ханты, русский, ненец и узбек,
Потому что это слово — ханты
В переводе значит человек.
Это очень дорогое слово.
Ты не выпускай его из рук,
Не развей по ветру бесполово —
На него откликнется твой друг.
И куда б потом ты не поехал,
Разнеси своим друзьям его —
Словно раскаленные орехи,
Искры из чубала своего.
Это слово северным сияньем
Пусть пылает и в полярной мгле.
Помни наше мудрое название,
Ханты — все народы на Земле.

Поэт задает себе вопросы: кто такой человек?; откуда появился?; куда идет?; каков смысл его жизни? Эти вопросы всегда мучили, терзали душу творца. Это вопросы вечные, откуда существует человек. Ответы на эти вопросы искали мудрецы и простые люди в самом обществе, в природе, в человеке. Этот вопрос мучает и Владимира Волдина. На него он не может ответить утвердительно. Но природа наградила его такими качествами, которые его делают красивым, сильным, умным. От природы Человек трудолюбив, ловок, весел. Человек силен своей связью с Природой. В Природе он видит источник жизни Человека. Поэтому, за что бы он ни взялся, делает доброту, хорошо, ловко. И все

*Статья печатается в сокращении.

спорилось, и всего он добивался, не смотря ни на какие трудности.

Жил-был человек. Кто он родом,
откуда?

Сегодня и мы не узнали откуда.

Наверно, его наградила тайга

Веселым характером, силой
в руках.

Умом, красотой, в работе сноровкой.
За что бы ни взялся, все делал он
ловко.

Один уходил за добычею в бор

И промысел был ему легок лобой.

Для Владимира Волдина Природа для Человека имеет такое же место, как и общество, как другие люди. И он призывает Человека «в бор идти, как к человеку, как ручей впадает в реку». Если ручей неизбежно впадает в реку, так и Человек неизбежно должен идти в Природу: в лес, в бор, степь, тайгу, в поле. Если Человек, Общество помогает Человеку, так и Природа помогает Человеку. Она вдохнет в него силы, укроет от дождя шатром в ненастный день, наградит его дарами, оплатит за добро добром. Все это тонко чувствует поэт:

Ты же, добрый человек,
В бор иди, как к человеку,
Как ручей впадает в реку,
Или в море — воды рек.
От дождя тебя шатром
Он в ненастный день укроет.
На поляне стол накроет,
За добро платя добром.

И Человек, чувствующий отношение к себе Природы, никогда не будет грязнить источник, не будет поливать его нефтью, палить леса, сбрасывать в реки и болота бытовые отходы. Отношение Человека к Природе оборачивается отношением Природы к Человеку. Поэтому люди охраняли лес от разных бед, от плохих людей. И тех, кто нарушал законы взаимоотношения Человека и Природы, карали. Забыл эти законы Человек, и Природа обрушилась, со всей силой на него. Как отмечал выдающийся русский философ В. С. Соловьев «Без любви к природе для нее самой нельзя осуществить нравственную организацию материальной жизни». Пришло время вспомнить заветы стариков и на примерах своих предков учить детей:

Слышал я от стариков —
Охраняли лес когда-то
От случайных разных бед,
От плохих людей скрывали.
И за сломанную ветвь,
Как за подлость карали.
Слушаю об этом речь —
Очень мудро все в легендах.
Я учусь тайгу беречь
У седебородых дедов.

Новая жизнь требует такой организации, которая приблизила бы отдалившегося Человека к Природе. Погоня Человека за прогрессом, устремленность в виртуальный мир, отдалили его от Природы. Последствия отчуждения Человека от Природы видны везде, особенно на Севере. Человек стал на путь разрушения природы. Этот процесс надо остановить. Многие считают, что необходимо организовать обучение в школах, в профессиональных учебных заведениях. Владимир Волдин смотрит на это глубже. Учить отношению к Природе надо на основе традиции. Такие традиции общения с природой есть у всех народов: русских, ханты, татар, манси, украинцев. И поэт призывает учиться беречь Природу «у сердобольных дедов». Сама жизнь в гармонии с Природой — вот главная мысль и идея развития общества людей. Природа Севера очень суровая. Зимы холодные. Осень дождливая. Летом гнус в тайге, непроходимые болота. Человек приспособился и к этим суровым условиям жизни. И для него с переменами времен года происходит перемена в жизни. Особенно Владимир Волдин жалуется и любит весну. Человек на Севере весной «оттаивает», слушает песни дедов. Весной старики несут струи новых светлых слов:

Человек весной счастливей.

Слушай песню дедов вновь:

В древнем, словно Обь, мотиве

Струи новых, светлых слов.

У весны улыбки ясны

Песни весен разгадай:

Ты узнаешь, как прекрасен

Северный, хантыйский край.

В Ханты-Мансийском автономном округе из 1340 тысяч человек проживает сейчас 1,5% представителей ханты и манси. Округ стал мощным индустриальным центром России, осью пересечения цивилизации и национальных культур. Поэтому, чтобы выжить в этом мире, не потеряться среди народов, нужна новая хантыйская культура, выросшая из традиции. Большую роль в создании новой хантыйской культуры вносят хантыйские художники и писатели, работники культуры и учителя национальных школ.

Что такое человек? Человек — это совокупность общественных отношений и связей. В Человеке заложено социальное, культурное и нравственное. Он с молоком матери впитал эти связи и отношения. Мать внесла в него социальность, национальную культуру. И через это социальное, культурное и нравственное он смотрит на Мир, на других людей, осознает свое «Я», самого себя. Он смотрит на Мир глазами родной земли, глазами своего рода и страны, глазами живущих, глазами отношения к Природе, Космосу, Человеку. Иначе он не может, ибо его сущностью и являются отношения между людьми, их культура, заложенная предшествующими

поколениями. Владимир Волдин очень тонко это заметил:

Вместе со всею хантыйской землею

Всеми глазами погибших героев,

Всеми глазами живущих смотрю.

Песню пою я, встречаю зарю.

Он смотрит на Мир глазами лучших представителей хантыйского народа, известных шаманов, охотников и рыбаков, воинов — погибших и живущих. Через песню Человек народа ханты впитывает в себя традицию, культуру предков. Культура Человека национальна. Культура тесно связана с языком общения. Чем богаче и разнообразнее язык общения, тем богаче культура.

Поэтому Владимир Волдин связывает язык с культурой ханты. В истории очень много убедительных примеров, когда люди, теряющие свой язык, не увидели свою культуру. Эти примеры являются укором тем, кто проводит денационализацию образования и культуры. В Ханты-Мансийском автономном округе много детей ханты, которые учатся в русскоязычных школах, не знают и не хотят знать своего родного языка. Эти дети, встав взрослыми, теряют все связи с родной культурой. Эти процессы, происходящие в советском обществе, замечал и Владимир Волдин. По его мнению, Человек, не знающий своего родного языка, на котором говорила Мать, «место пустое»:

Кто нынче не знает язык свой родной.

Тот край свой не любит, народу чужой.

Такой человек — просто место пустое.

Он путь мне на нарах вовек не захроет.

Он глуп и смешен, как глухарь красноглаз...

Буровые, нефтепроводы, автомобильные дороги на Севере строили и ханты, и русские, и татары... Для ханты это новая, нетрадиционная профессия. И деды рассказывали об этом строительстве с каким-то воодушевлением, радостью.

Но главной сферой труда ханты были охота, оленеводство. Олени для ханты были всем: и теплом, и едой, и помощником в хозяйстве... Пастухами были и молодые «с сердцем, полным отваги», и старики «с бородою кудрявой, как ягель». Они ловки, сильны. Владимир Волдин с трепетом говорит о пастухах (оленеводах):

Пастух молодой с сердцем,
полным отваги,

Старик с бородою кудрявой,
как ягель...

Проворны их руки, и ноги сильны,

Готовы и сами летать до Луны,

Да только нужны на Земле

эти руки.

Оленей растить и воспитывать

внуков.

Очень много размышляет поэт о труде охотников. Это воины, как из древней сказки:

Как из древней сказки воин —

За стшиной с колчаном стрел,

Он отважен и спокоен,

Он стремителен и смел.

*И в руках его — не стрелы,
А новейшее ружье.*

Человек берет от тайги столько, сколько нужно, а в остальном он санитар леса, защищает слабых от коварных. Охотник не хочет чьей-либо крови в лесу. Он хочет, чтобы пролилась только волчья кровь. Он убивает злых зверей не бессмысленно, стреляя в того или другого зверька, а имеет «мысль свою».

Человеку Севера не присущ культ денег, наживы. Он живет в реальных отношениях с природой. Виртуальные, искусственные отношения, раскручиваемые в обществе, он не понимал никогда, не понимает и сейчас. Настороженно относится ко всему искусственному, бежит от него. Бежит в прошлое. Замыкается в себе. И торговля для Человека Севера есть частичка искусственного мира. Он не приемлет в ней обман, выгоду, наживу. Поэтому и не случайно, что Человек Севера всегда осуждал этот дух торгашества, и поэтому отрицательно относился к этой профессии и ее представителям. Этот характер купца достаточно глубоко раскрывается Владимиром Волдиным:

Себе на уме, все приметив давно,

За рыбу купец предлагает вино.

Опиавшись веселого этого зелья,

Друзья его мучатся сытым

бездельем.

Нахальны, с гирями злых кулаков

Кричат и зовут на борьбу

рыбаков.

Торговля у ханты не входит в понятие «хороший труд». Торговцы их спаивают, обирают, обманывают, и они не любят эту профессию и ее представителей. Этот труд не в почете у многих народов, но без этого труда трудно развиваться обществу.

Творчество Владимира Волдина проникнуто стремлением осознать место Человека в Природе, истории, в обществе.

Писатель и браконьер

Решение далось нелегко. Утром встал, голова тяжелая, руки, ноги трясутся.

Видя мое состояние, жена с третьей спросила:

— Что случилось?

— Сегодня ночью... Дай валерьянку. Так вот, сегодня ночью, без четверти два... короче, нет больше Николая, утопил я его в омуте. В первой главе бригадиром назначил, думал в передовики вывести, на Доску почета определить, а он видал что! Рыбную молодежь начал губить! Браконьером стал! В общем, утопил и концы в воду!

— Слышь, Гриша, может, не надо было топить? Все-таки живем по соседству.

— А за что он рыбинспектора ударил?! Ты рыбачить — рыбачь, а руками волю не давай! Во второй главе они друзьями были, жили душа в душу, а тут — как сбесился! Я сначала не хотел топить, все думал, может, исправится. В третьей главе сколько раз предупреждал: опомнись, Николай, о детях подумай! Какой там! Дружок по бригаде пока оставлю, посмотрю, что дальше будет. Не одумаются — лодку опрокидываю и всех на дно!

Ладно, не переживай. Спасу я твоего Николая. В последний момент, когда уже захлебываться начнет. Детей жалко.

Тут в дверь постучали, и вошла соседка, жена Николая. Лицо бледное, губы трясутся.

— Ой, Гриша, беспокойно у меня на душе! Чувствую: с Николаем беда приключилась. Сегодня пошли на омут, а погода видишь какая. Боюсь, как бы не утонул.

Жена ей все рассказала.

— Ты бы это... прости его, Гриша. Какой ни на есть, а все — отец. Не оставляй детей сиротами! Меньший только-только ходить стал. Отца помнить не будет. Скажет, подкинули.

— Ладно, Петровна! Только ради детей! Но учти, спасаю в последний раз! Если не прекратит безобразия — утоплю.

Вечером вернулся с рыбалки Николай, весь был мокрый и в тине. Рассказывал, что едва не утонул. Уже на дне лежал, но потом чудом удалось спастись. Сам не знает, как могло такое случиться.

Как-то вышел во двор, смотрю: сосед осетра потрошит. Во мне все закипело, кровь в голову. Бегом домой за стол. Ну, думаю, я тебе сейчас дам осетра! Тут же поднял рыбинспекцию

и конфисковал снасти вместе с уловом. Завел уголовное дело.

На другой день слышу: Петровна ревет. Выглянул — Николай, а рядом — участковый. В общем, увезли Николая в отдел. Петровна — ко мне.

— Григорий Алексеич, спасай! Бес попутал! Христом Богом прошу! Последний раз!

Детишки прибежали, тоже ревут. Жалко их стало. Пришел к себе, сел за стол и дал два года условно. Через неделю вернулся Николай.

— Ну как? — спрашиваю.

— Два года условно. Чуть в «сейф» не попал!

Тут как-то участковый зашел, спросил, чем повесть кончится? Ну, значит, к чему готовиться в случае чего. Я его успокоил:

— Хотел всю артель под статью подвести, но, похоже, стали на путь исправления. Пока — всем амнистия, а дальше — видно будет.

ЦЗУ-САНЬ-ЛИ

Дружка своего кипятком ошпарил в бане.

В тот день, как на грех, мылся один местный йог.

— Я, — говорит, — оздоравливаюсь крутым кипятком. И вам советую.

— Ладно, — думаю, — сейчас проверим.

Присмотрелся: основная часть — на полке, а внизу стоят двое. Мне показалось, что йог справа, ну и — кипятком его из тазика. Оказалось, йог слева стоял. Гришу, друга своего, ошпарил.

А йог оказался кочегаром этой же бани. Собрал нас всех, сел рядом с Гришей и начал на нем, как на наглядном пособии, показывать разные точки.

— Вот эта — самая главная. Цзу-сать-ли, называется. Тот, кто ее прижигает, живет двести лет. Сам я, как начал прижигать — помолодел, набрался сил. Кочергу в узел завязал, правда, развязать пока не могу.

На другой день я тоже решил попробовать. После работы штаны закатал и начал прижигать паяльником эту самую цзу-сать-ли. Сижу, мечтаю: плешина на голове зарастет, может, бронетом стану, не все мне рыжему быть, пусть другие побудут, обязательно сфотографируюсь и пошлю родителей, вот обрадуются, скажут, был рыжий, а стал черный.

Тут жена зашла.

— Что-то, — говорит, — паленым пахнет.

Я молчу, как ни в чем не бывало.

Через полчаса опять приходит.

— Что-то горельным пахнет.

Я опять молчу. Решил по сильнее прижечь, чтобы сразу омолодиться.

Через час кое-как поднялся. Руки, ноги трясутся, в глазах темно, голова

кругом идет. Жена увидела — испугалась.

Спрашивает:

— Как Вы сюда попали, бабушка? Уходите, пока я мужа не позвала!

Я сначала не понял, — подумал, шутит. Прошел в комнату, глянул в зеркало — ноги подкосились. На вид было лет девяносто, хотя по паспорту — тридцать. Жене рассказал все, как есть. Она испугалась и бегом в баню за кочегаром. Тот пришел, посмотрел и за голову схватился.

— Я что говорил?! Прижигать — цзу-сать-ли, а ты что?! Дотла спалил совсем другую точку.

Тут же взял утюг и прижег в нужном месте. К вечеру я полностью восстановился.

Теперь цзу-сать-ли прижигая каждый день.

Где-то через неделю жена глянула мне на голову.

— Слушай! У тебя плешина черная, наверное, в грязи.

Я посмотрел в зеркало — и правда черная, но не в грязи.

Через месяц голова покрылась черным каракулем.

Феминизация

Правду мне говорили: будет предлагать замужество — не вздумай! Помню ее со школы. Нам, пацанам, проходу не давала: то портфелем по голове ударит, то за ухо дернет. Рано начала курить и пить. Полюбил — сам не знаю за что.

На свадьбе напилась, — побила посуду, порубила косяки. Ладно, думаю, стерпится — слюбится.

Стала задерживаться с работы, а тут как-то совсем не пришла. Вместо того, чтобы с ребенком заниматься — играет с подругами в домино.

Однажды пришел с работы, смотрю: подруг навела, сидят пьют, окурки на полу. Взял ребенка и ушел к соседям.

Слово поперек нельзя сказать! Один раз сказал — из дома выгнала.

Настырная такая: чего захочет — добьется. Алименты, говорит, от меня не дождешься, скажу, что ребенок не мой.

Зарплату всю пропивает! На Восьмое марта купил духи — выпила. Сначала меня по дому гоняла, а потом по улице.

Спасибо, какая-то женщина заступилась. Вырвала у нее топор.

Как-то не дал похмелиться. Что было! «Повешусь!» — кричит.

Когда выпить не на что — на диване лежит, газету читает. Тут уж не подходит.

Дальше не знаю, что делать? Посоветуйте!

г. Югорск

В тот день

18 июня 1960 года в Шаиме открыто первое нефтяное
месторождение Тюменской области

Село косило. Трактора
Гремели за лесочком.
Чтоб быть повыше, клевера
Тянулись на носочках.
Я тоже, как веретено,
Был у страды во власти.
Мотор постукивал давно
И требовал запчасти.
Но мне работалось легко,
И в мамином лукошке
Еще не скисло молоко,
Румянились лепешки.
Еще не просочился зной
Сквозь облачное сито.
И хмурый ястреб надо мной
Висел, как в небо вбитый.
Я думал думы о земле,
О девушке, о роще.
И вдруг, как черт на помеле,
Примчал ко мне учетчик.
Свихнулся, что ли: поутру?
Конек в поту и в мыле,
А сам кричит: на сиверу,
Мол, керосин открыли!
Повествование ведет,
Как про Фому-Ярёму.
Включил, мол, радио — орет,
Хоть убегай из дому.
Такой подняли ералаш
Про топи и болота.
И заключил:
— И ты покажь
Ударную работу!
Я честно выкосить елань
Пообещал к обеду.
Вот кочка старая,
А, глянь,
Провел политбеседу!..
Катилось эхо по полям,
Скользя неуловимо,
По Приишимским ковылям,

Багульникам Шаима.
Я знал, там есть Конда-река,
И видел — над Кондою
Героев лица, что пока
Не узнаны строною.
Косил я — к стеблю стебелек,
Что пашня нарожала.
На запад, север и восток
Тюменщина лежала.
Таежный, хмурый материк,
Что славен будет скоро.
Был где-то близок Усть-Балык,
Глубины Самотлора.

Фото Л. Седова.

Тайга

Когда рука твоя касается моей, все мне кажется кругом опрятным, будто от сердца по каждой жилочке разольются вдруг успокоительные токи. Тогда мне хочется взять тебя с собой и поведи туда, где сам бывал множество раз, и куда рвется моя душа даже и от тебя. Только знаю я: тайга без тебя будет грустна и слезлива, как после дождя. Но пойдем, пойдем к ней вместе.

Видаешь эту еле заметную тропку, убегающую в бор? Это моя тропа. Ни один человек не знает о ней кроме нас. Там, длинными зимними ночами у костра, я мечтал о лете и любимой. Я специально не строил там избу, чтобы не вспугнуть моих фантазий. Теперь все — явь, и изба будет настоящая. Ступай за мной, не бойся. Тайга добрая и не причинит нам зла. Жаль, что многие этого не понимают, боясь ее, и рубят, а потом продают. Раньше так продавали красивых девушек.

Тайга... В этом слове — века, Вселенная и мы, маленькие и беззащитные, как она.

Борис Зуйков.

Тюмень
Литературная

Учредители: Тюменская ассоциация литераторов, коллектив редакции.

Газета зарегистрирована Министерством печати и информации РСФСР 29.10.91 г.

Регистрационное свидетельство № 1248.

В издании газеты участвуют: коллектив редакции, Ханты-Мансийская писательская организация, областное общество русской культуры, объединение русских кадет в Венесуэле и США.

Газета отпечатана в ГУП «Шадринский Дом Печати» комитета по печати и средствам массовой информации Администрации Курганской обл., 641870, г. Шадринск, ул. Спартака, б. Подписано в печать 09.10.2000. Тираж 700 экз. Заказ № 1933.

Цена свободная.
Компьютерный дизайн и верстка С. ПАВЛОВОЙ,
К. КУРИЦИНОЙ,
Корректор В. БУМАГИНА.

Главный редактор Н. В. ДЕНИСОВ

Рукописи не возвращаются, не горят и не рецензируются.
Позиция редакции может не совпадать с позицией авторов материалов.

для ПИСЕМ:
625018, г. Тюмень,
Дом Советов.

